ЖИЗНЬ РОБЕРТА БЕРНСА[1]

Летом 1786 года в шотландском городке Килма́рноке вышел небольшой томик стихов, изданный по подписке молодым фермером Робертом Бернсом. Этот «Килма́рнокский томик» принес автору нежданную славу при жизни и бессмертие после ранней кончины.

---

[1] Печатается с сокращениями по изданию: Роберт Бернс. Стихотворения. Поэмы. Шотландские баллады. Издательство «Художественная литература», М., 1976.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

А через полтора века эти стихи стали одной из любимых книг советского читателя: много раз выходили они в свет многотысячными тиражами в различных русских переводах.

Для нас еще одно новое издание Бернса не просто сборник чудесных стихов, пересказанных советским мастером С. Маршаком с любовью к поэту и верностью подлиннику. Это залог нашей дружбы с земляками Бернса, потомками его первых читателей: килмарнокских ткачей, эйрширских пахарей и дамфризских кузнецов. На разных языках, но с общей думой о мире мы вместе с ними повторяем нетленные строки шотландского народного поэта о времени, когда «будут люди жить в ладу, как дружная семья, брат».

После выхода в свет своей первой книги Бернс прожил всего десять лет. Это были трудные, горькие, но плодотворные годы. Бернс оставил нам много стихов, песен, посланий друзьям. Его стихи и песни переводят на все языки мира, об авторе написаны многотомные романы и научные исследования. Тысячи литературных обществ изучают и пропагандируют творчество Бернса и носят его имя. С каждым годом становится все яснее, что Роберт Бернс был не только замечательным поэтом, но и человеком большого сердца и ума. Этому есть много свидетельств. В стихах, в письмах, в дневниках и записях он сам рассказал о своей жизни, о своем труде, о судьбе поэта, который всегда говорил людям правду.

Бернс пришел в шотландскую литературу в конце XVIII века, когда в ней боролись две традиции: подражание английским образцам и стремление сохранить национальные особенности, народный язык. Страна, еще в XV веке давшая прекрас-

ные произведения духовной и светской поэзии, в 1707 году окончательно потеряла свою независимость, свой парламент, даже свой литературный язык[1]. Официальным языком стал английский, и у народа, по-прежнему говорившего по-шотландски, остались только старые песни, легенды и сказки, передававшиеся из уст в уста. Шотландия славилась своими учеными и философами, однако большинству из них родной язык был чужд. На нем говорил только «простой люд».

Народ ждал своего поэта — и этот поэт родился в самой гуще народа и стал его голосом, его совестью, его сердцем.

В деревушке Аллоуэй сохранилась глиняная мазанка под соломенной крышей, где 25 января 1759 года родился Роберт Бернс. По тогдашним временам это был хороший дом: в нем даже было окно с пузырчатым толстым стеклом, что считалось роскошью: за окна платили особый налог. Дом этот своими руками выстроил отец Роберта — Вильям Бернс, сын разорившегося фермера с севера Шотландии. В новом доме Вильям Бернс сделал полку для книг, привезенных из Эдинбурга, а по вечерам медленно и долго что-то писал, складывая в стопку узкие листы бумаги.

Это было «Наставление в вере и благочестии», предназначенное для его первенца, Роберта. Оно так и писалось — в виде беседы отца с сыном. Сын задавал вопросы, и отец в меру своего разумения пытался объяснить ему, что есть добро и зло, а главное — что есть долг человека. Он не мог и думать, что тот, кому он это писал, сам найдет для людей свои слова о счастье и свободе, свою правду, которая про-

[1] Об этом Бернс писал в стихах «Шотландская слава».

бьется сквозь камни отцовских наставлений, как молодая трава весной.

Вильям Бернс понимал, что только образование поможет его детям «выбиться в люди». С малых лет он сам учил сыновей арифметике и чтению. Когда Роберту исполнилось семь, а его брату Гильберту шесть лет, отец пригласил в дом молодого учителя Джона Мердока, который оказал огромное влияние на своего старшего ученика.

У Мердока была превосходная дикция и красивый голос: он с жаром декламировал Мильтона и Шекспира, объясняя трудные места. Он не только познакомил мальчиков с лучшими произведениями классиков, но и научил их правильно говорить по-английски и выразительно читать стихи.

Эти два речевых истока — литературный английский язык и простонародное шотландское наречие, на котором пела песни мать и рассказывала страшные сказки про ведьм и оборотней старая тетушка, наложили отпечаток на характер и на творчество Роберта. Позже, в Эдинбурге, он поражал ученых и литераторов отличными манерами и прекрасной речью, а своих друзей-шотландцев блестящим знанием старой шотландской поэзии.

На ферме Олифант, снятой в аренду у помещика, шла тяжкая крестьянская жизнь. Мальчики помогали отцу пахать, сеять и убирать скудные урожаи — земля на ферме оказалась очень плохой. Но вечерами, за ужином, «все Бернсы сидели, уткнув носы в книжки»,— вспоминали их соседи.

Только летом становилось веселее: с соседних ферм приходили парни и девушки, и одной из них Бернс впервые написал

стихи. «Так для меня начались любовь и поэзия»,— писал он потом.

Отец Роберта не оставлял мысли дать старшему сыну хорошее образование.

В 1775 году он решает послать Роберта в землемерную школу в небольшой городок Кэркосвальд. Роберт учился отлично, все давалось ему легко. Совсем другим вернулся он осенью домой: вырос, загорел, повидал свет и прочел много новых книг.

В 1777 году семья переехала на ферму Лохли, в миле от оживленного торгового городка Тарболтона. Все свободные вечера Роберт проводил в этом городке, с новыми друзьями, им он читал свои первые стихи, с ними спорил и философствовал «о смысле жизни». И к его голосу уже начинают прислушиваться не только сверстники, но и многие другие.

1781 год был особенно тяжелым для семьи Бернса. Отец болел туберкулезом, ферма оказалась убыточной, и старому Бернсу пришлось судиться с управляющим. Отец решил снова отправить старшего сына в город Эрвин, где он должен был поработать на льночесалке и в прядильне: отец надеялся, что потом можно будет ткать дома холсты, которые сильно поднялись в цене.

И Роберт уехал в Эрвин с деревянным сундучком, где лежал нехитрый скарб, а на дне сундучка — отцовская библия и самодельная тетрадка со стихами.

Роберт поселился в маленькой мансарде с круглым окошком. Оттуда было видно, как в гавань входили большие океан-

ские корабли, и ветер доносил непривычные запахи просмоленных канатов, винных бочек и заморских пряностей.

Для сына фермера, впервые попавшего в приморский город, эрвинский порт казался воротами в иной, огромный мир.

В ту незабвенную весну у моря, когда под мартовским солнцем отогревались больные суставы, с детства пораженные ревматизмом, и легче дышалось соленым морским воздухом, Роберт впервые прочитал стихи Роберта Фергюссона — молодого поэта, погибшего в 1774 году на двадцать четвертом году жизни. От него остался небольшой томик стихов на шотландском наречии, и Бернс впервые увидел, что его родной язык существует не как «простонародный диалект» или язык старинных полузабытых баллад, но и как настоящий литературный язык, на котором можно писать отличные стихи.

Книга Фергюссона привела Бернса в восторг. Теперь ничто не собьет его с пути: он «хочет ударить по струнам своей дикой сельской лиры в благородном соревновании с ним», как пишет он в своей заветной тетради. Позднее Бернс увековечил память великого поэта, поставив на его могиле плиту коричневато-красного гранита, и велел высечь на ней четыре строки:

Ни урны, ни торжественного слова,
Ни статуи в его ограде нет.
Лишь голый камень говорит сурово:
— Шотландия! Под камнем — твой поэт!

Впоследствии все свое свободное время Бернс самоотверженно и бескорыстно отдавал собиранию старинных шотландских песен и баллад. Он годами участвовал в издании много-

томного «Музыкального музея», восстанавливая из множества устных вариантов наиболее неискаженные тексты и сочиняя новые слова на старинные мелодии, если тексты были утеряны или заменены вульгарными и безграмотными виршами.

Так Бернс стал одним из непосредственных участников возрождения богатого фольклора Шотландии не только как ее лучший поэт, но и как ученый, как большой знаток истории своей родины, ее быта, ее преданий.

После смерти отца двадцатипятилетний Роберт стал главой семьи, хозяином новой фермы Моссгил — «Робом Моссгилом», как звали его соседи.

Этот год во многих отношениях был решающим для Бернса. В ближнем городке Мóхлине он стал встречаться с людьми образованными, влиятельными. Адвокат Гэвин Гамильтон, нотариус Эйкен, доктор Маккензи интересовались его стихами и песнями на шотландском наречии, потому что сами говорили на том же языке со своими соседями-фермерами, читали Фергюссона и знали старый шотландский фольклор.

Роберт по-прежнему без устали работал на ферме, но по вечерам часто уходил в Мóхлин потанцевать с местными красотками, которым он посвятил столько стихов.

Здесь он и встретил семнадцатилетнюю Джин — дочь богатого и сурового подрядчика Армора, который часто бранил при всех «нищего Роба Моссгила» за его вольные стихи, где высмеивались ханжи и лицемеры, и за дружбу с «безбожниками и смутьянами» вроде Гэвина Гамильтона.

О встрече Роберта и Джин, ставшей его судьбой, его любовью на всю жизнь, написано очень много. Читая письма и

воспоминания, как бы становишься очевидцем этой трудной, часто трагической и все же прекрасной любви, родившей столько стихов и песен.

В это лето — первое лето их любви — Роберт написал многие из лучших своих произведений: кажется, что он даже разучился говорить прозой — он словно дышит стихами. Он пишет письма в стихах, и в них нет ни одной пустой строчки, ни одного лишнего слова, ни одного натянутого, надуманного образа. И те, кто читает эти стихи, уже понимают, что в Шотландию пришел ее поэт.

По старинному шотландскому обычаю Джин и Роберт заключили тайный брак. Для этого надо было только подписать «брачный контракт», по которому двое влюбленных «признают себя навеки мужем и женой». Все меньше надеялся Роберт, что отец Джин позволит ей стать законной хозяйкой в его доме «перед богом и людьми». Дела на ферме шли из рук вон плохо, семья Бернсов нищала все больше и больше.

Тогда старшие друзья Роберта стали советовать ему уехать в Вест-Индию, где за два года можно было сколотить порядочное состояние и вернуться домой богатым человеком.

Роберт был в отчаянии. Об этом говорят его стихи, где он прощается с родной Шотландией и с «милой Джин»:

А ты, подруга, не грусти,
Чтобы тебя и честь спасти,
Бегу я в край далекий.
Нужда стучится к нам во двор.
Грозят нам голод и позор
И суд молвы жестокой.

Им и вправду грозил страшный позор: Джин ждала ребенка, и те, кто собирался принять Роберта на службу, могли отказаться от него, если бы открылась «эта преступная история».

В один из холодных ноябрьских дней Роберт случайно попал в придорожный трактир, где собирались необычные посетители — шайка нищих, бродячие ремесленники-угольщики, жестянщики, лудильщики, где грелись у камелька солдат-инвалид и старая маркитантка. Всю ночь просидел с ними Роберт. Так родилась знаменитая кантата «Любовь и свобода» с подзаголовком «Веселые нищие».

Эта великолепная поэма при жизни Бернса ни разу не печаталась, но ходила в списках по всей Шотландии, как и многие другие его «вольные» стихи.

Но настоящая слава пришла к Бернсу, когда вышло первое собрание его стихов — маленький томик, отпечатанный в типографии города Кильмарнока.

Для этого томика Бернс отобрал сорок четыре произведения; из них несколько — большие поэмы. Несмотря на то, что Бернс отдает должное своим предшественникам — особенно Роберту Фергюссону, откровенно заимствуя у него характерную форму стихотворных посланий, или четкие парные рифмы с переборами в конце строфы,— все его стихи — совершенно новое слово не только в шотландской, но и во всей англоязычной поэзии. В них блестящее мастерство сочетается с социальной насыщенностью, с таким определенным «символом веры» — веры в человека, которую можно встретить только у очень больших поэтов,— когда никакая дидактика, никакая проповедь не идут

в ущерб основной задаче поэтического произведения — сказать стихами то, чего не выразить никакими другими средствами.

Шестьсот экземпляров разошлось по подписке, а остальные двести были раскуплены в тот же день: их покупали в складчину крестьяне и батраки, гончары и сапожники, стихи читали вслух в тавернах, переписывали в десятках экземпляров. Слава пришла к Бернсу, а он в это время вынужден был скрываться от гнева мистера Армора, который, узнав о «позоре» дочери, силой вырвал у нее и уничтожил брачный контракт, в который так верили и Роберт и Джин, и подал на поэта жалобу в церковный совет и в суд.

Бернс был совершенно оглушен: он считал, что Джин его предала, отдав контракт отцу и уехав в дальний городок, как ей повелел родитель. Он бушевал в письмах (называя ее «клятвопреступницей») и хотя просил Всевышнего простить «мою бедную, недавно так горячо любимую девочку», которую «совратили родители», но тут же клялся, что больше никогда не назовет ее женой!

«Килмарнокский томик» вышел 31 июля 1786 года, и весь август Роберт разъезжал по окрестностям, то скрываясь от мохлинских святош, то пожиная плоды своей славы.

«Мне теперь нечего бояться,— писал он другу,— многие знатнейшие джентльмены страны предлагают мне свою помощь и покровительство, да и Джин не пойдет против меня. Я видел ее недавно, она с трепетом ждет приближающихся родов...»

3 сентября 1786 года Джин родила близнецов — мальчика и девочку, названных по имени родителей Робертом и Джин.

Бернс был в восторге, но в письмах к друзьям добавлял, что Арморы по-прежнему против брака и что все друзья советуют ему поехать в столицу, где его уже знают и ждут и где, наверно, удастся издать большой сборник стихов.

27 ноября 1786 года Бернс уезжает в «Северные Афины» — Эдинбург.

Многие современники Бернса писали о том, как в самых изысканных салонах Эдинбурга появился красивый, высокий, чуть сутулый человек, элегантно, но просто одетый, с непапудренной головой и прекрасными черными глазами. Все уже были наслышаны о «поэте-пахаре», «самородке», о «богом данном таланте»...

Но никто не ожидал встретить человека такой высокой культуры, такой свободной, достойной, вполне светской манеры держаться. Законодательница мод прекрасная герцогиня Гордон приказала Каледонскому охотничьему клубу устроить бал в честь поэта. Весь вечер она танцевала с ним, удивляясь его остроумной и учтивой речи, а уходя, громко сказала: «Ваш пахарь совсем вскружил мне голову!»

Судьба Роберта была решена: ученые и писатели, поэты и философы, которыми славился Эдинбург, стали наперебой приглашать его к себе.

На торжественной ассамблее шотландской масонской ложи Великий магистр торжественно провозгласил здравицу: «За Каледонию и барда Каледонии — брата Бернса!» — и, подхватив этот возглас, все члены ложи стали приветствовать поэта.

Каледонский охотничий клуб постановил: все без исключения члены Клуба должны подписаться на сочинения Бернса

и содействовать тому, чтобы его стихи были выпущены в двух томах в лучшей типографии Эдинбурга.

Редактором книги был Вильям Смелли.

Бернсу очень повезло. Пожалуй, трудно было найти редактора более всесторонне образованного и вместе с тем добросовестного и до педантизма придирчивого, чем Вильям Смелли. Он, как писал о нем Бернс, был «человеком высочайшей одаренности, неисчерпаемых знаний и при этом обладал самым добрым сердцем и самым острым умом на свете».

21 апреля 1787 года вышло эдинбургское издание стихов и поэм Бернса. Полторы тысячи экземпляров разошлись по подписке, остальные пятьсот были распроданы в два дня.

Перед возвращением домой Бернс решил немного попутешествовать и отдохнуть от бурной столичной жизни.

Может быть, впервые за все свои двадцать восемь лет Роберт Бернс был так беззаботен и счастлив, как в начале мая 1787 года, когда он неторопливо ехал по зеленым холмам Шотландии, где «на каждом поле гремела битва, а у каждого ручья складывалась песня».

Его встречали с почетом. «Все проявляют особое уважение к моей поэтической светлости»,— писал он.

Но отдых длился недолго. Надо было возвращаться домой, узнать, как дела в Моссгиле, как дети.

Надо было решать судьбу всей семьи и свою дальнейшую творческую судьбу. Сможет ли поэт, вернувшись «к старому своему знакомцу — плугу, все же сохранить в целости свою простую лиру, не дать пальцам огрубеть, а паутине забот оплести звонкие струны?» — писал Бернс.

Он знает, что теперь его голос слушает вся Шотландия.

В своих письмах и стихах поэт сам подробно рассказал о том, как, приехав домой, он понял, что должен вернуться к жизни простого фермера и что лучшей подруги, чем Джин, которая терпеливо сносила все перемены в их отношениях, у него нет и не будет.

После того как церковь официально признала их брак, Джин жила в семье Роберта, пока он строил дом на новой ферме Эллисленд, куда вскоре собирался перевезти Джин и детей.

На этой ферме семья поэта провела два с половиной года. Конечно, свободного времени у Бернса было мало: кроме хозяйства, он еще выполнял обязанности акцизного инспектора — наконец ему удалось по протекции получить это место. Приходилось объезжать округу в двести миль, проверять, аккуратно ли платят налоги, не скрывают ли незаконные доходы от казны. И все-таки, несмотря на нужду, болезни, тяжкий труд, Бернс был счастлив: он писал стихи, он не мог нарадоваться на своих ребят. Осенью 1789 года Джин родила ему еще одного черноглазого мальчишку.

В этом году поэту исполнилось тридцать лет. Он жил такой напряженной, такой полной умственной жизнью, что многие его письма читаются как философские трактаты, как комментарии к учению великого француза Жан-Жака Руссо и английских просветителей — так глубоко он усвоил основные принципы века Просвещения, так органически слились они с его жизненным опытом, с опытом народа, из глубин которого он вышел.

В эти годы он все время посылает новые тексты песен в «Музыкальный музей» — всегда отказываясь от гонорара! — и в стихах часто говорит о миссии поэта:

Одной мечтой с тех пор я жил:
Служить стране по мере сил
(Пускай они и слабы!),
Народу пользу принести —
Ну, что-нибудь изобрести
Иль песню спеть хотя бы!..

«Это стихотворение,— писал Бернс,— должно было стать частью большой поэмы „Путь стихотворца"».

Но в это время другие события затмили размышления о своей судьбе. 14 июля 1789 года под ударами народного гнева пал оплот сильнейшей монархии в Европе — французского королевства — тюрьма Бастилия.

Началась Великая французская революция.

Напрасно мы будем искать в письмах Бернса прямой отклик на падение Бастилии. Большинство писем того времени сожжено если не самими корреспондентами Бернса, то их наследниками.

Но в первые годы самые широкие круги Англии и особенно Шотландии сочувствовали французской революции. Казалось, что Свобода, Равенство и Братство придут из-за моря мирным путем. А тогда и Шотландия получит больше прав. И хотя множество шотландских граждан, в том числе и Бернс, из-за строгого имущественного ценза не могли участвовать даже в выборах муниципалитета своего города, не говоря уже о

парламентских выборах, политическая жизнь Шотландии оживилась.

К сожалению, «шотландский бард» был акцизным чиновником, то есть служащим того самого «слабоумного Джорди» — короля Георга Третьего и его реакционного правительства, против которого так откровенно высказывался поэт.

Бернс никогда не умел молчать, никогда не любил молчать, и все горести, которые ему пришлось пережить в эти годы, происходили оттого, что по должности он обязан был вести себя как образцовый служащий его величества, а по натуре был настоящим бунтарем, вольнодумцем, свободолюбцем.

К счастью, в списках, ходивших по рукам, сохранились стихи тех лет, опубликованные только после смерти Бернса. Среди них и «Дерево свободы» — прямой отклик на Великую французскую революцию.

В эти годы в Эллисленде написана и одна из лучших шотландских баллад — «Тэм О'Шентер», в которой Бернс гениально использовал старый фольклор и в «страшных» сценах бесовской пляски в старой церкви и в комических нравоучениях, обращенных к пьяницам и гулякам.

В 1791 году, распродав скот и весь инвентарь Эллисленда, Бернс переехал с семьей в небольшой, но оживленный город Дамфриз, где и прожил с августа 1791 года до июля 1796 года, когда тяжкая болезнь докопала тридцатисемилетнего поэта.

Эти последние годы были, пожалуй, самыми сложными в жизни Бернса. Он был государственным служащим — и закоренелым бунтарем, счастливым отцом семейства — и героем множества романтических приключений, крестьянским сыном —

и другом «знатнейших семейств». Многие ученые и литераторы переписывались с ним, спрашивали его совета.

Время было бурное, сложное. Надежды, вспыхнувшие вместе с французской революцией и победой Америки в войне за независимость, были разбиты, общество «Друзей народа» разогнано, а его главари сосланы на каторгу.

Осень 1795 года и зима 1796 года стали роковыми для Бернса. Тогда врачи не понимали, что он давно и тяжко болен, что его обмороки и приступы боли во всех суставах — последствия тяжелого ревмокардита. Его лечили холодными ваннами, крепкими винами, по неведению усиливая смертельный недуг.

А тут еще от него стали отступаться его знатные друзья: многие обиделись на то, что он назвал короля и королеву Франции, казненных в Париже, «болваном-клятвопреступником и бессовестной блудницей».

Пришла весна очень холодная и дождливая. Бернс болел, но как только ему становится немного легче, он снова начинает писать для сборника шотландских песен и баллад.

В переписке с составителем нового сборника — Томсоном чувствуется желание подытожить уже сделанное и предчувствие, что ему недолго осталось жить...

21 июля 1796 года поэт скончался, оставив семью без всяких средств. Бернса хоронили с помпой: регулярные войска шли церемониальным маршем до кладбища, играли трескучий и бездушный похоронный марш.

Джин не могла проводить Роберта: в этот час она родила ему пятого сына.

Друзья взяли на себя заботу о ней и детях.

А через много лет, когда слава Бернса наконец нашла дорогу в придворные круги Лондона, король назначил вдове Бернса пенсию.

И Джин, верная памяти Роберта, от этой пенсии отказалась.

О том, как росла слава Бернса, говорят тысячи книг на всех языках мира.

Поэту поставлено множество памятников — от простого мраморного бюста в нише дамфризского дома до сложных и затейливых башен с барельефами, греческими портиками и статуями причесанных красавцев-пахарей, с неизменной мышкой у ног, маргариткой под лемехом плуга и парящей музой в классических покрывалах.

Но народ хранит его память по-своему. Пожалуй, нет поэта, которого бы так знали и пели на протяжении двух веков.

* * *

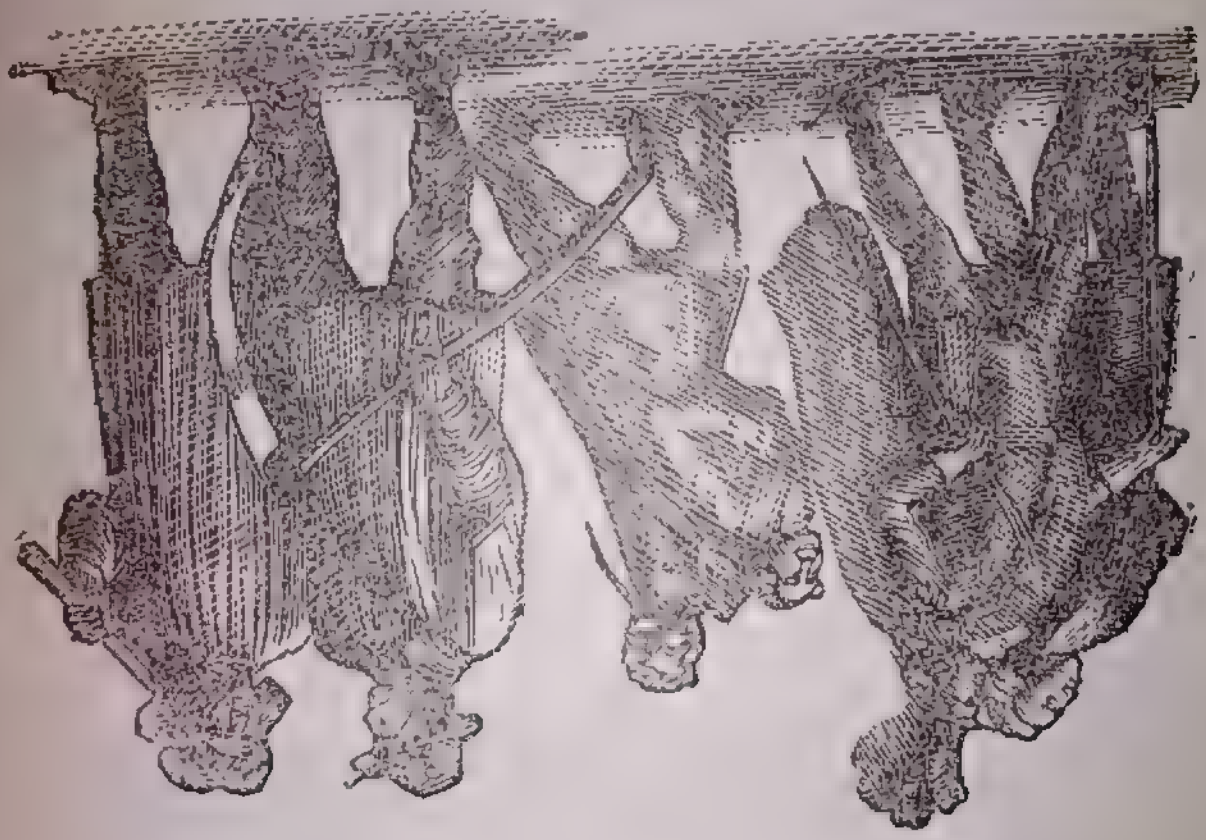
Роберта Бернса знает весь мир, и все же именно нашу страну шотландцы называют его второй родиной. Первые переводы Бернса появились у нас в начале XIX века. Позднее поэзией Р. Бернса занимались многие переводчики. И, наконец, советский читатель познакомился с замечательными переводами С. Маршака. «Маршак сделал Бернса русским, оставив его шотландцем»,— писал Александр Твардовский. Все многочисленные переводы, принадлежащие С. Маршаку, хранятся в доме-музее Бернса в Аллоуэе.

Популярность великого шотландского поэта в нашей стране растет день от дня.

Ежегодно, 25 января, вся Шотландия, а вместе с ней и друзья Бернса в Советском Союзе отмечают день рождения великого поэта. И можно надеяться, что его голос никогда не умолкнет в наших сердцах.

Р. Райт-Ковалева

ПЕСНИ
БАЛЛАДЫ
ПОЭМЫ



ЧЕСТНАЯ БЕДНОСТЬ

Кто честной бедности своей
Стыдится и всё прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И все такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И все такое прочее.

При всем при том,
При всем при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом,—
Таких зову я знатью!

Вот этот шут — природный лорд,
Ему должны мы кланяться,
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

При всем при том,
При всем при том,
Хоть весь он в позументах,—
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

При всем при том,
При всем при том,
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И все такое прочее!

Настанет день и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

При всем при том,
При всем при том,
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Трех королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно...
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.

Всё так же буен и упрям,
С пригорка в летний зной
Грозит он копьями врагам,
Качая головой.

Но осень трезвая идет.
И, тяжко нагружен,
Поник под бременем забот,
Согнулся старый Джон.

Настало время помирать —
Зима недалека.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика.

Его свалил горбатый нож
Одним ударом с ног,
И, как бродягу на правёж,
Везут его на ток.

Дубасить Джона принялись
Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили на ветру.

Он был в колодец погружен,
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет Джон
Ячменное Зерно!

Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер.
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.

Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,
Вскипает в кружках на столе
И души веселит.

Недаром был покойный Джон
При жизни молодец,—
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.

Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет...

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет Джон
Ячменное Зерно!

В ГОРАХ МОЕ СЕРДЦЕ

В горах мое сердце... Доныне я там.
По следу олеия лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу.

Прощай, моя родина! Север, прощай,—
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим!

Прощайте, вершины под кровлей снегов,
Прощайте, долины и скаты лугов,
Прощайте, поникшие в бездну леса,
Прощайте, потоков лесных голоса.

В горах мое сердце... Доныне я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу!

СТАРАЯ ДРУЖБА

Забыть ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забыть ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

Побольше кружки приготовь
И доверху налей.
Мы пьем за старую любовь,
За дружбу прежних дней.

За дружбу старую —
До дна!
За счастье юных дней!
По кружке старого вина —
За счастье юных дней.

С тобой топтали мы вдвоем
Траву родных полей,
Но не один крутой подъем
Мы взяли с юных дней.

Переплывали мы не раз
С тобой через ручей.
Но море разделило нас,
Товарищ юных дней...

И вот с тобой сошлись мы вновь.
Твоя рука — в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

БЫЛ ЧЕСТНЫЙ ФЕРМЕР МОЙ ОТЕЦ

Был честный фермер мой отец.
Он не имел достатка,
Но от наследников своих
Он требовал порядка.
Учил достоинство хранить,
Хоть нет гроша в карманах.
Страшнее — чести изменить,
Чем быть в отрепьях рваных!

Я в свет пустился без гроша,
Но был беспечный малый.
Богатым быть я не желал,
Великим быть — пожалуй!
Таланта не был я лишен,
Был грамотен немножко
И вот решил по мере сил
Пробить себе дорожку.

И так и сяк пытался я
Понравиться фортуне,

Но все усилья и труды
Мои остались втуне.
То был врагами я побит,
То предан был друзьями
И вновь, достигнув высоты,
Оказывался в яме.

В конце концов я был готов
Оставить попеченье.
И по примеру мудрецов
Я вывел заключенье:
В былом не знали мы добра,
Не видим в предстоящем,
А этот час — в руках у нас.
Владей же настоящим!

Надежды нет, просвета нет,
А есть нужда, забота.
Ну что ж, покуда ты живешь,
Без устали работай.
Косить, пахать и боронить
Я научился с детства.
И это всё, что мой отец
Оставил мне в наследство.

Так и живу — в нужде, в труде,
Доволен передышкой.

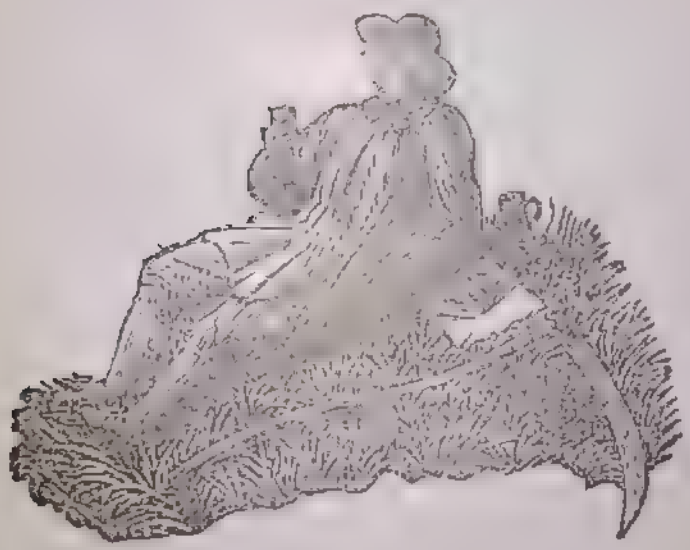
А хорошенько отдохну
Когда-нибудь под крышкой.
Заботы завтрашнего дня
Мне сердца не тревожат.
Мне дорог нынешний мой день,
Покуда он не прожит!

Я так же весел, как монарх
В наследственном чертоге,
Хоть и становится судьба
Мне поперек дороги.
На завтра хлеба не дает
Мне эта злая скряга.
Но нынче есть чего поесть,—
И то уж это благо!

Беда, нужда крадут всегда
Мой заработок скудный.
Мой промах этому виной
Иль нрав мой безрассудный?
И все же сердцу своему
Вовеки не позволю я
Впадать от временных невзгод
В тоску и меланхолию!

О ты, кто властен и богат!
На много ль ты счастливей?

Стремится твой голодный взгляд
Вперед — к двойной наживе.
Пусть денег куры не клюют
У баловня удачи,—
Простой, веселый, честный люд
Тебя стократ богаче!



ПОЛЕВОЙ МЫШИ, ГНЕЗДО КОТОРОЙ РАЗОРЕНО МОИМ ПЛУГОМ

Зверек проворный, юркий, гладкий,
Куда бежишь ты без оглядки,
Зачем дрожишь, как в лихорадке,
За жизнь свою?
Не трусь,— тебя своей лопаткой
Я не убью.

Я понимаю и не спорю,
Что человек с природой в ссоре,
И всем живым несет он горе,
Внушает страх,—
Хоть все мы смертные и вскоре
Вернемся в прах.

Пусть говорят: ты жнешь, не сея.
Но я винить тебя не смею.
Ведь надо жить!.. И ты скромнее,
Чем все, крадешь.
А я ничуть не обеднею,—
Была бы рожь!

Тебя оставил я без крова
Порой ненастной и суровой,
Когда уж не́ из чего снова
Построить дом,
Чтобы от ветра ледяного
Укрыться в нем...

Все голо, все мертво вокруг.
Пустынно поле, скошен луг.
И ты убежище от вьюг
Найти мечтал,
Когда вломился тяжкий плуг
К тебе в подвал.

Травы, листвы увядшей ком —
Вот чем он стал, твой теплый дом.
Тобой построенный с трудом.
А дни идут...
Где ты в полях, покрытых льдом,
Найдешь приют?

Ах, милый, ты не одинок:
И нас обманывает рок,
И рушится сквозь потолок
На нас нужда.
Мы счастья ждем, а на порог
Валит беда...

Но ты, дружок, счастливей нас...
Ты видишь то, что есть сейчас.
А мы не сводим скорбных глаз
С былых невзгод
И в тайном страхе каждый раз
Глядим вперед.

ДЕРЕВО СВОБОДЫ

Есть дерево в Париже, брат.
Под сень его густую
Друзья отечества спешат,
Победу торжествуя.

Где нынче у его ствола
Свободный люд толпится
Вчера Бастилия была,
Всей Франции темница.

Из года в год чудесный плод
На дереве растет, брат.
Кто съел его, тот сознает,
Что человек — не скот, брат.

Его вкусить холопу дай –
Он станет благородным
И свой разделит каравай
С товарищем голодным.

Дороже клада для меня
Французский этот плод, брат.
Он красит щеки в цвет огня,
Здоровье нам дает, брат.

Он проясняет мутный взгляд,
Вливает в мышцы силу.
Зато предателям он — яд:
Он сводит их в могилу!

Благословение тому,
Кто, пожалев народы,
Впервые в галльскую тюрьму
Принес росток свободы.

Поила доблесть в жаркий день
Заветный тот росток, брат,
И он свою раскинул сень
На запад и восток, брат.

Но юной жизни торжеству
Грозил порок тлетворный:
Губил весеннюю листву
Червяк в парче придворной.

У деревца хотел Бурбон
Подрезать корешки, брат.
За это сам лишился он
Короны и башки, брат!

Тогда поклялся злобный сброд,
Собранье всех пороков,
Что деревцо не доживет
До поздних, зрелых соков.

Немало гончих собралось
Со всех концов земли, брат.
Но злое дело сорвалось,—
Жалели, что пошли, брат!

Скликает всех своих сынов
Свобода молодая.
Они идут на бранный зов,
Отвагою пылая.

Новорождённый весь народ
Встает под звон мечей, брат.
Бегут наемники вразброд,
Вся свора палачей, брат.

Британский край! Хорош твой дуб,
Твой стройный тополь — тоже.
И ты на шутки был не скуп,
Когда ты был моложе.

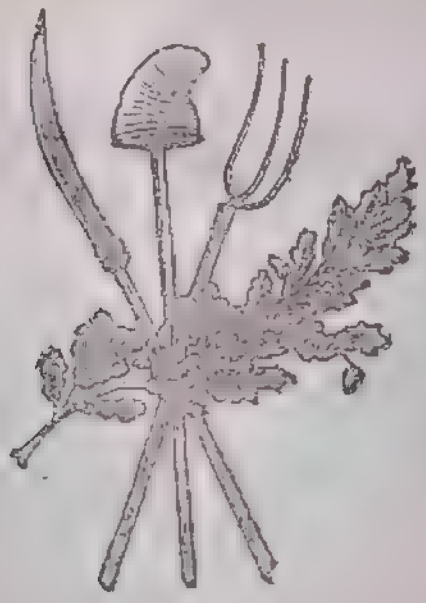
Богатым лесом ты одет —
И дубом и сосной, брат.
Но дерева свободы нет
В твоей семье лесной, брат!

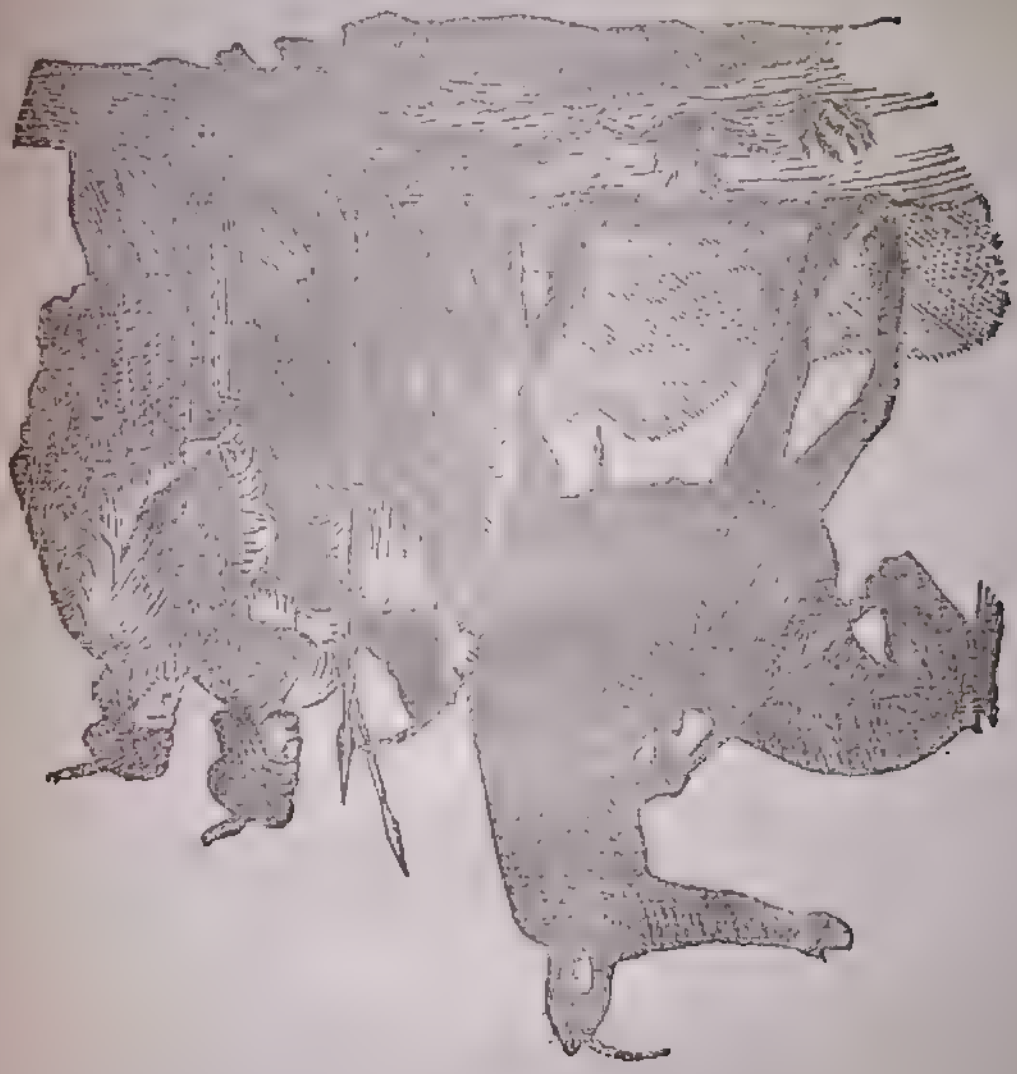
А без него нам свет не мил
И горек хлеб голодный.
Мы выбиваемся из сил
На борозде бесплодной.

Питаем мы своим горбом
Потомственных воров, брат,
И лишь за гробом отдохнем
От всех своих трудов, брат.

Но верю я: настанет день,—
И он не за горами,—
Когда листвы волшебной сень
Раскинется над нами.

Забудут рабство и нужду
Народы и края, брат.
И будут люди жить в ладу,
Как дружная семья, брат!





БРЮС — ШОТЛАНДЦАМ

Вы, кого водили в бой
Брюс, Уоллес за собой,—
Вы врага ценой любой
Отразить готовы.

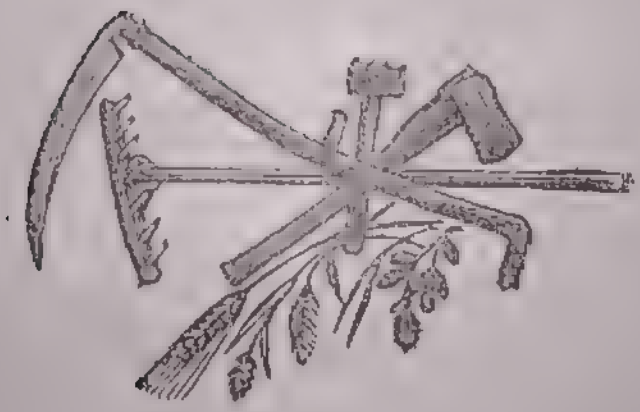
Близок день, и час грядет.
Враг надменный у ворот.
Эдвард армию ведет —
Цепи и оковы.

Тех, кто может бросить меч
И рабом в могилу лечь,
Лучше вовремя отсечь.
Пусть уйдут из строя.

Пусть останется в строю,
Кто за родину свою
Хочет жить и пасть в бою
С мужеством героя!

Бой идет у наших стен.
Ждет ли нас позорный плен?
Лучше кровь из наших вен
Отдадим народу.

Наша честь велит смести
Угнетателей с пути
И в сраженье обрести
Смерть или свободу!



ШОТЛАНДСКАЯ СЛАВА

Навек простись, Шотландский край,
С твоею древней славой.
Названье самое прощай
Отчизны величавой!

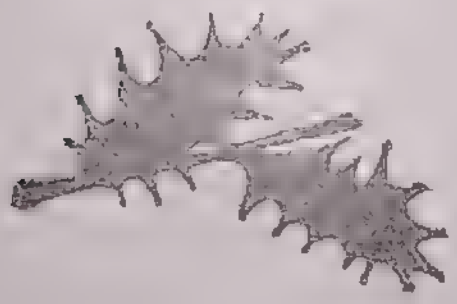
Где Твид несется в океан
И Сарк в песках струится,—
Теперь владенья англичан,
Провинции граница.

Века сломить нас не могли,
Но продал нас изменник
Противникам родной земли
За горсть презренных денег.

Мы сталь английскую не раз
В сраженьях притупили,
Но золотом английским нас
На торжище купили.

Как жаль, что я не пал в бою,
Когда с врагом боролись
За честь и родину свою
Наш гордый Брюс, Уоллес.

Но десять раз в последний час
Скажу я без утайки:
Проклятие предавшей нас
Мошеннической шайке!



ЛУЧШИЙ ПАРЕНЬ

Лучший парень наших лет,
Славный парень,
Статный парень,
На плече он носит плед,
Славный горский парень.

Носит шапку пирожком,
Славный парень,
Статный парень,
Он с изменой незнаком,
Славный горский парень,

Слышишь звонкий зов трубы,
Дочь полей,
Дитя долины,
Зов трубы и гром пальбы,
Девушка долины?

Слава в бой меня зовет,
Дочь полей,
Дитя долины,
За свободу и народ,
Девушка долины!

Легче солнце двинуть вспять,
Славный парень,
Статный парень,
Чем тебя поколебать,
Славный горский парень.

Честь добудь себе в бою,
Славный парень,
Статный парень,
И прославь страну свою,
Славный горский парень!

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Он меня поцеловал
И ушел по склонам гор.
На уступы серых скал
Всё гляжу я с этих пор.

Пощади его в пути,
Дробный дождь, трескучий град.
Горных троп не замети
На вершинах, снегопад!

В бледном сумраке ночном
Не кружись, метель, над ним,—
Пусть он спит спокойным сном
И проснется невредим.

Пусть меня он назовет
И в долину кинет взгляд.
Путь ведет его вперед,
А любовь зовет назад.

МАКФЕРСОН ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

Привет вам, тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждет петля
И гладкие столбы.

В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней —
Не дрогну и сейчас!

Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков,
Я одолею всех.

Я жизнь свою провел в бою,
Умру не от меча.
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.

И перед смертью об одном
Душа моя грустит,
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.

Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть!

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

Умолк тяжелый гром войны,
И мир сияет снова.
Отцов ребята лишены,
И горько плачут вдовы.

Я шел домой, в свой край родной,
Шатер покинув братский.
И в старом ранце за спиной
Был весь мой скарб солдатский.

Шагал я с легким багажом,
Счастливый и свободный.
Не отягчил я грабежом
Своей сумы походной.

Шагал я бодро в ранний час,
Задумавшись о милой,
О той улыбке синих глаз,
Что мне во тьме светила.

Вот наша тихая река
И мельница в тумане.
Здесь, под кустами ивняка,
Я объяснился Анне.

Вот я взошел на склон холма,
Мне с юных лет знакомый,—
И предо мной она сама
Стоит у двери дома.

С ресниц смахнул я капли слез,
И, голос изменяя,
Я задал девушке вопрос,
Какой,— и сам не знаю.

Потом сказал я: — Ты светлей,
Чем этот день погожий.
И тот счастливей всех людей,
Кто всех тебе дороже!

Хоть у меня карман пустой
И сумка пустовата.
Но не возьмешь ли на постой
Усталого солдата?

На миг ее прекрасный взгляд
Был грустью отуманен.
— Мой милый тоже был солдат.
Что с ним? Убит иль ранен?..

Он не вернулся, но о нем
Храню я память свято,
И навсегда открыт мой дом
Для честного солдата!

И вдруг, узнав мои черты
Под слоем серой пыли,
Она спросила: — Это ты?
Потом сказала: — Вилли!..

— Да это я, моя любовь,
А ты — моя награда
За честно пролитую кровь,
И лучшей мне не надо.

Тебя, мой друг, придя с войны,
Нашел я неизменной.
Пускай с тобою мы бедны,
Но ты — мой клад бесценный!

Она сказала: — Нет, вдвоем
Мы заживем на славу.
Мне дед оставил сад и дом,
Они твои по праву!

...Купец плывет по лону вод
За прибылью богатой.
Обильной жатвы фермер ждет,
Но честь — удел солдата.

И пусть солдат всегда найдет
У вас приют в дороге.
Страны родимой он оплот
В часы ее тревоги.

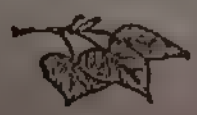
МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА

Где-то девушка жила.
Что за девушка была!
И любила парня славного она.

Но расстаться им пришлось
И любить друг друга врозь,
Потому что началась война.

За морями, за холмами —
Там, где пушки мечут пламя,
Сердце воина не дрогнуло в бою.

Это сердце трепетало
Только ночью в час привала,
Вспоминая милую свою!



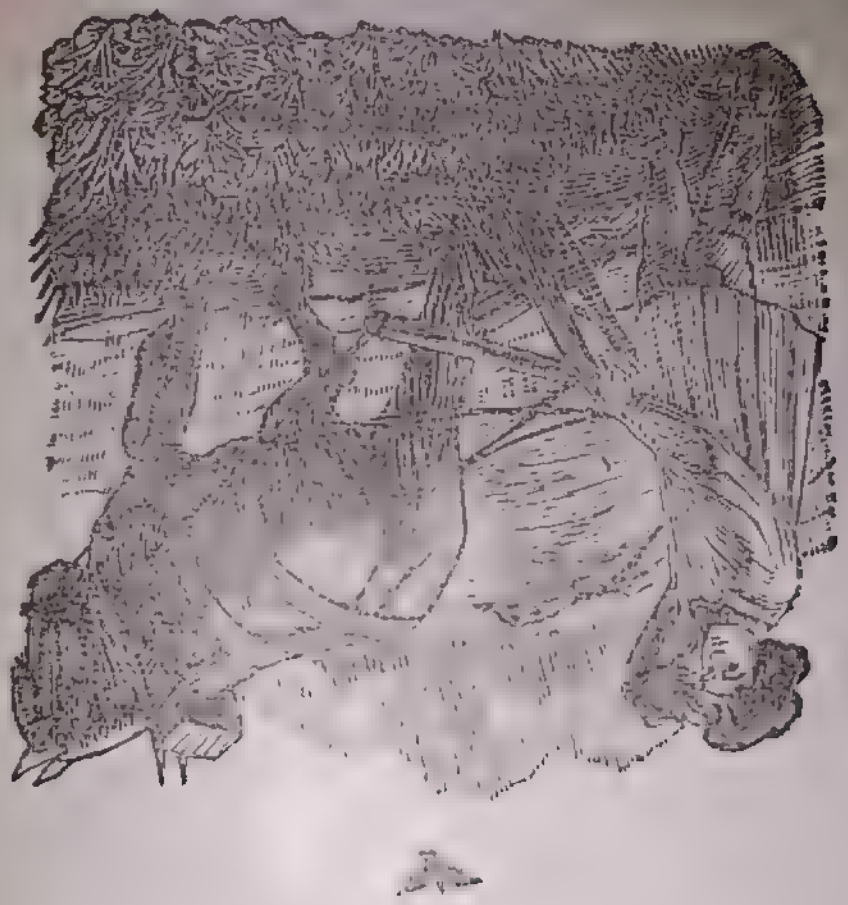
ДЖОН АНДЕРСОН

Джон Андерсон, мой старый друг,
Подумай-ка, давно ль
Густой, крутой твой локон
Был черен, точно смоль.

Теперь ты снегом убелен,—
Ты знал немало вьюг.
Но будь ты счастлив, лысый Джон.
Джон Андерсон, мой друг!

Джон Андерсон, мой старый друг,
Мы шли с тобою в гору,
И столько славных дней, Джон,
Мы видели в ту пору.

Теперь мы под гору бредем,
Не разнимая рук.
И в землю ляжем мы вдвоем,
Джон Андерсон, мой друг!



ГОРНОЙ МАРГАРИТКЕ, КОТОРУЮ Я ПРИНЯЛ СВОИМ ПЛУГОМ

О, скромный, маленький цветок,
Твой час последний недалек.
Сметет твой тонкий стебелек
Мой тяжкий плуг.
Перепахать я должен в срок
Зеленый луг.

Не жаворонок полевой —
Сосед, земляк, приятель твой —
Пригнет твой стебель над травой,
Готовясь в путь
И первой утренней росой
Обрызгав грудь.

Ты вырос между горных скал
И был беспомощен и мал,
Чуть над землей приподымал
Свой огонек,
Но с бурным ветром воевал
Твой стебелек.

В садах ограды и кусты
Хранят высокие цветы.
А ты рожден средь нищеты
Суровых гор.
Но как собой украсил ты
Нагой простор!

Одетый в будничный наряд,
Ты к солнцу обращал свой взгляд.
Его теплу и свету рад,
Глядел на юг,
Не думая, что разорят
Твой мирный луг.

Так девушка во цвете лет
Глядит доверчиво на свет
И всем живущим шлет привет,
В глуши таясь,
Пока ее, как этот цвет,
Не втопчут в грязь.

Так и бесхитростный певец,
Страстей неопытный пловец,
Не знает изменных сердец —
Подводных скал —
И там находит свой конец,
Где счастья ждал.

Такая участь многих ждет...
Кого томит гордыни гнет,
Кто изнурен ярмом забот,—
Тем свет не мил.
И человек на дно идет,
Лишенный сил.

И ты, виновник этих строк,
Держись,— конец твой недалек.
Тебя настигнет грозный рок —
Нужда, недуг,—
Как на весенний стебелек
Наехал плуг.

Давно ли цвел зеленый дол,
Лес шелестел листвой,
И каждый лист был свеж и чист
От влаги дождевой.

Где этот летний рай?
Лесная глушь мертва.
Но снова май придет в наш край —
И зашумит листва...

Но ни весной, ни в летний зной
С себя я не стряхну
Тяжелый след прошедших лет,
Печаль и седину.

Под старость краток день,
А ночь без сна длинна.
И дважды в год к нам не придет
Счастливая весна.

ЛЮБОВЬ

Любовь, как роза, роза красная,
Цветет в моем саду.
Любовь моя — как песенка,
С которой в путь иду.

Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна.
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.

Не высохнут моря, мой друг,
Не рушится гранит,
Не остановится песок,
А он, как жизнь, бежит...

Будь счастлива, моя любовь,
Прощай и не грусти.
Вернусь к тебе, хоть целый свет
Пришлось бы мне пройти!

Пробираясь до калитки
Полем вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь:
Замочила все юбчонки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?

И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

КОНЕЦ ЛЕТА

Пророчат осени приход
И выстрел в отдаленье,
И птицы взлет среди болот,
И вереска цветенье,
И рожь, бегущая волной,
Предвестье урожая,
И лес ночной, где под луной
Я о тебе скучаю.

Вальдшнеп любят тихий лес,
Вьюрки — кустарник горный.
А цапли с вышины небес
Стремятся в край озерный.
Дрозды в орешнике живут,
В тиши лесной полянки.
Густой боярышник — приют
Веселой коноплянки.

У каждого обычай свой,
Свой путь, свои стремленья.

Один живет с большой семьей,
Другой — в уединенье.
Но всюду злой тиран проник:
В немых лесных просторах
Ты слышишь гром и жалкий крик
И смятых перьев шорох...

А ведь такой кругом покой.
Стрижей кружится стая.
И нива никнет за рекой
Зелено-золотая.
Давай пойдем бродить вдвоем
И насладимся вволю
Красой плодов в глуши садов
И спелой рожью в поле.

Так хорошо идти-брести
По скошенному лугу
И встретить месяц на пути,
Тесней прильнув друг к другу.
Как дождь весной — листве лесной,
Как осень — урожаю,
Так мне нужна лишь ты одна,
Подруга дорогая!

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг,
Мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг,
От зимних вьюг.

А если мука суждена
Тебе судьбой,
Тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой,
Делить с тобой.

Пускай сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом,
Где тьма кругом,—
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем,
С тобой вдвоем.

И если б дали мне в удел
Весь шар земной,
Весь шар земной,
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной,
Тобой одной.

ПОЦЕЛУЙ

Влажная печать признаний,
Обещанье тайных нег —
Поцелуй, подснежник ранний,
Свежий, чистый, точно снег.

Молчаливая уступка,
Страсти детская игра,
Дружба голубя с голубкой,
Счастья первая пора.

Радость в грустном расставанье
И вопрос: когда ж опять?..
Где слова, чтобы названье
Этим чувствам отыскать?

ПЕСНЯ

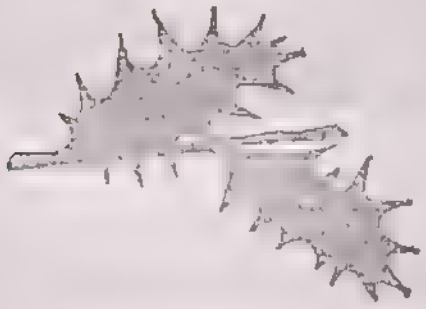
Нынче здесь, завтра там — беспокойный Вилли.
Нынче здесь, завтра там, да и след простыл...
Воротись поскорей, мой любимый Вилли,
И скажи, что пришел тем же, что и был.

Зимний ветер шумел, низко тучи плыли.
Провожала тебя я в далекий путь.
Снова лето придет, ты вернешься, Вилли,
Лето — в поле и лес, ты — ко мне на грудь.

Пусть уснет океан на песке и щебне.
Страшно слышать во тьме этот гулкий вой.
Успокойтесь, валы, опустите гребни
И несите легко путника домой.

Если ж он изменил и забыл о милой,
Пусть грохочут валы сутки напролет.
Не дождусь корабля и сойду в могилу,
Не узнав, что ко мне Вилли не придет.

Нынче здесь, завтра там,— беспокойный Вилли.
Нынче здесь, завтра там, да и след простыл...
Воротись поскорей, мой любимый Вилли,
Воротись ты ко мне тем же, что и был!



Из всех ветров, какие есть,
Мне западный милей,
Он о тебе приносит весть,
О девушке моей.

Люблю твои поля, ручьи,
Леса твоих долин.
Но мне милей лесов, полей
Ты, ласковая Джин.

Тебя напоминает мне
В лесу цветок любой.
И лес в вечерней тишине
Заворожен тобой.

Бубенчик ландыша в росе,—
Да и не он один,
А все цветы и птицы все
Поют о милой Джин...

Скалистые горы, где спят облака,
Где в юности ранней резвится река,
Где в поисках корма сквозь вереск густой
Птенцов перепелка ведет за собой.

Милее мне склоны и трещины гор,
Чем берег морской и зеленый простор.
Милей оттого, что в горах у ручья
Живет моя радость, забота моя.

Люблю я прозрачный и гулкий ручей,
Бегущий тропинкой зеленой своей.
Под говор воды, не считая часов,
С любимой подругой бродить я готов.

Она не прекрасна, но многих милей.
Я знаю, приданого мало за ней,
Но я полюбил ее с первого дня
За то, что она полюбила меня!

Встречая красавицу, кто устоит
Пред блеском очей и румянцем ланит?
А если ума ей прибавить чуть-чуть,
Она, ослепляя, пронзает нам грудь.

Но добрая прелесть внимательных глаз
Стократ мне дороже, чем лучший алмаз.
И в крепких объятьях волнует мне кровь
Открытая, с бьющимся сердцем, любовь!

ПЕСНЯ

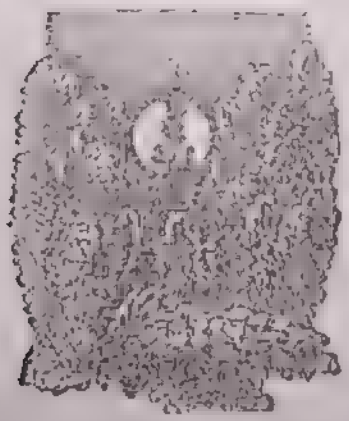
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свистни,— тебя не заставлю я ждать!

Но в оба гляди, пробираясь ко мне.
Найди ты лазейку в садовой стене,
Найди три ступеньки в саду при луне.
Иди, но как будто идешь не ко мне,
Иди, будто вовсе идешь не ко мне.

А если мы встретимся в церкви, смотри:
С подругой моей, не со мной говори,
Украдкой мне ласковый взгляд подари,
А больше — смотри! — на меня не смотри,
А больше — смотри! — на меня не смотри!

Другим говори, нашу тайну храня,
Что нет тебе дела совсем до меня.
Но, даже шутя, берегись, как огня,
Чтоб кто-то не отнял тебя у меня,
И вправду не отнял тебя у меня!

Ты свистни — тебя не заставлю я ждать,
Ты свистни — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свистни,— тебя не заставлю я ждать!



НОЧЛЕГ В ПУТИ

Меня в горах застигла тьма,
Январский ветер, колкий снег.
Закрылись наглухо дома,
И я не мог найти ночлег.

По счастью, девушка одна
Со мною встретилась в пути,
И предложила мне она
В ее укромный дом войти.

Я низко поклонился ей —
Той, что спасла меня в метель,
Учтиво поклонился ей
И попросил постлать постель.

Она тончайшим полотном
Застлала скромную кровать
И, угостив меня вином,
Мне пожелала сладко спать.

Расстаться с ней мне было жаль,
И, чтобы ей не дать уйти,
Спросил я девушку: — Нельзя ль
Еще подушку принести?

Она подушку принесла
Под изголовие мое.
И так мила она была,
Что крепко обнял я ее.

В ее щеках зарделась кровь,
Два ярких вспыхнули огня.
— Коль есть у вас ко мне любовь,
Оставьте девушкой меня!

Был мягок шелк ее волос
И завивался, точно хмель.
Она была душистей роз,
Та, что постлала мне постель.

А грудь ее была кругла,—
Казалось, ранняя зима
Своим дыханьем намела
Два этих маленьких холма.

Я целовал ее в уста —
Ту, что постлала мне постель,
И вся она была чиста,
Как эта горная метель.

Она не спорила со мной,
Не открывала милых глаз.
И между мною и стеной
Она уснула в поздний час.

Проснувшись в первом свете дня,
В подругу я влюбился вновь.
— Ах, погубили вы меня! —
Сказала мне моя любовь.

Целуя веки влажных глаз
И локон, вьющийся, как хмель,
Сказал я: — Много, много раз
Ты будешь мне стелить постель!

Потом иглу взяла она
И села шить рубашку мне.
Январским утром у окна
Она рубашку шила мне...

Мелькают дни, идут года,
Цветы цветут, метет метель,
Но не забуду никогда
Той, что постлала мне постель

Что видят люди в городке,
Закутанном в закатный свет?
Сияет солнце в городке
Для той, кому соперниц нет.

С лучом прощаясь на ходу,
Она идет в зеленый сад.
Цветок, раскрывшийся в саду,
Ее случайный ловит взгляд.

Как рады птицы вместе с ней
Встречать приветом юный год.
При ней свежее и милей
Ее сестры — весны приход.

Мигает солнце городку
Из-за седых зубчатых стен.
Но в этом чудном городке
Нет никого прекрасней Джен.

Без милой Дженни нет цветов,
Без милой Дженни рай — не рай,
А с нею вместе я готов
Перенестись в Лапландский край.

В пещере с ней найду приют,
Согласен жить в норе любой.
Там, где метели воздух рвут,
Я заслоню ее собой.

Над городком пробыв часы,
Уходит вниз багряный шар...
Но никогда такой красы
Не озарял его пожар.

МОЕМУ НЕЗАКОННОРОЖДЕННОМУ РЕБЕНКУ

Дочурка, пусть со мной беда
Случится, ежели когда
Я покраснею от стыда,
Боясь упрека
Или неправого суда
Молвы жестокой.

Дитя моих счастливых дней,
Подобье матери своей,
Ты с каждым часом мне милей,
Любви награда,
Хоть ты, по мнению всех церквей,—
Исчадье ада.

Пускай открыто и тайком
Меня зовут еретиком,
Пусть ходят обо мне кругом
Дурные слухи,—
Должны от скуки языком
Молоть старухи

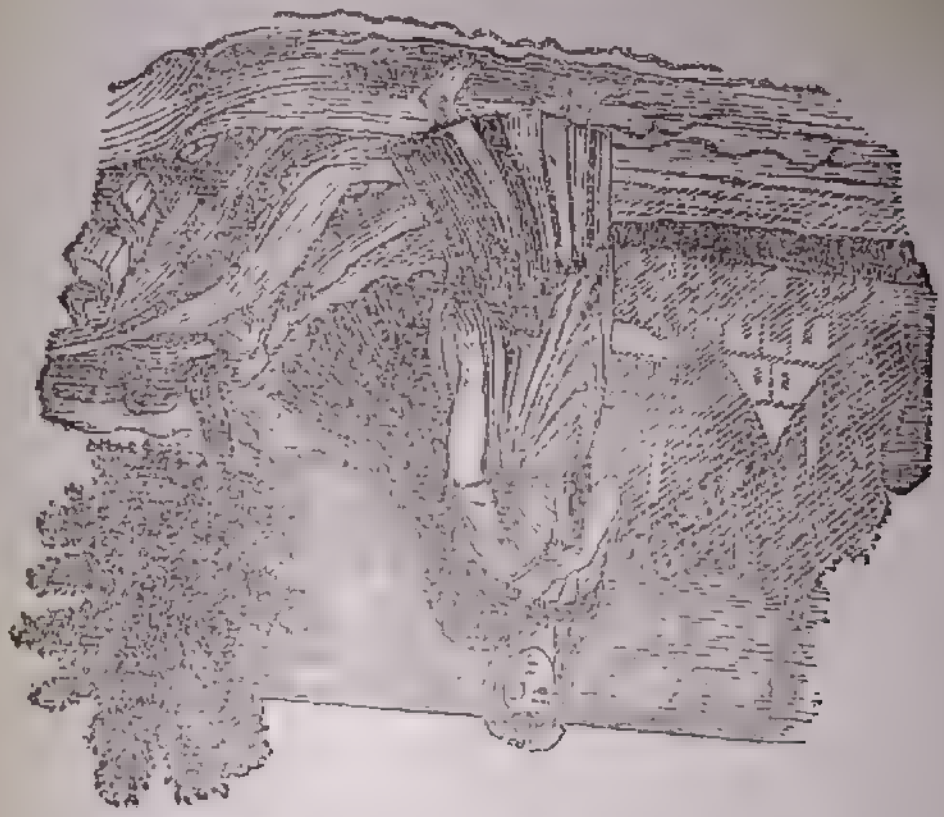
И всё же дочери я рад,
Хоть ты явилась невпопад
И за тебя грозит мне ад
И суд церковный.
В твоем рожденье виноват
Я безусловно.

Ты — память счастья юных лет.
Увы, к нему потерян след.
Ты родилась не так на свет,
Как нужно людям,
Но мы делить с тобой обед
И ужин будем.

Я с матерью твоей кольцом
Не обменялся под венцом,
Но буду нежным я отцом
Тебе, родная.
Расти веселым деревцом,
Забот не зная.

Пусть я нуждаться буду сам,
Но я последнее отдам,
Чтоб ты могла учиться там,
Где все ребята,
Чьих матерей водили в храм
Отцы когда-то.

Тебе могу я пожелать
Лицом похожей быть на мать,
А от меня ты можешь взять
Мой нрав беспечный,
Хотя в грехах мне подражать
Нельзя, конечно!



БОСАЯ ДЕВУШКА

Об этой девушке босой
Я позабыть никак не мог.
Казалось, камни мостовой
Терзают кожу нежных ног.

Такие ножки бы одеть
В цветной сафьян или в атлас.
Такой бы девушке сидеть
В карете, обогнавшей нас!

Бежит ручей ее кудрей
Льняными кольцами на грудь.
А блеск очей во тьме ночей
Пловцам указывал бы путь.

Красавиц всех затмит она,
Хотя ее не знает свет.
Она достойна и скромна.
Ее милее в мире нет.

ЛОРД ГРЕГОРИ

БАЛЛАДА

Полночный час угрюм и тих.
Лишь гром гремит порой.
Я у дверей стою твоих.
Лорд Грегори, открой.

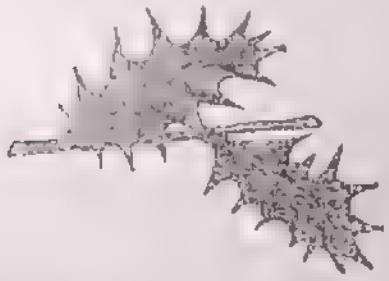
Я не могу вернуться вновь
Домой, к семье своей,
И если спит в тебе любовь,
Меня ты пожалей.

Припомни лес на склоне гор,
Где волю я дала
Любви, с которой долгий спор
В душе своей вела.

Ты небом клялся мне не раз,
Что будешь ты моим,
Что договор, связавший нас,
Навеки нерушим.

Но тот не помнит прежних дней,
Чье сердце из кремня.
Так пусть же у твоих дверей
Гроза убьет меня!

О небо, смерть мне подари.
Я вечным сном усну
У двери лорда Грегори,
Простив его вину.



Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня остабил,
Навсегда оставил, Джеми,
Навсегда оставил.
Ты шутил со мною, милый,
Ты со мной лукавил —
Клялся помнить до могилы,
А потом оставил, Джеми,
А потом оставил!

Нам не быть с тобою, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Никогда на свете, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Пусть скорей настанет время
Вечного покоя.
Я глаза свои закрою,
Навсегда закрою, Джеми,
Навсегда закрою!

Вина мне пинту раздобудь,
Налей в серебряную кружку.
В последний раз, готовясь в путь,
Я пью за милую подружку.

Трепещут мачты корабля,
Как будто силу ветра меря...
Пред тем, как скроется земля,
Пью за тебя, малютка Мэри!

Нас ждет и буря и борьба.
Играя с ветром, вьется знамя.
Поет военная труба,
И копья движутся рядами.

Не страшен мне грядущий бой,
Невзгоды, жертвы и потери!
Но как расстаться мне с тобой,
Моя единственная Мэри?

РОБИН

В деревне парень был рожден,
Но день, когда родился он,
В календари не занесен.
Кому был нужен Робин?

Был он резвый паренек,
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

Зато отметил календарь,
Что был такой-то государь,
И в щели дома дул январь,
Когда родился Робин.

Разжав младенческий кулак,
Гадалка говорила так:
— Мальчишка будет не дурак.
Пускай зовется Робин!

Немало ждет его обид,
Но сердцем всё он победит.
Парнишка будет знаменит,
Семью прославит Робин.

Он будет весел и остёр,
И наших дочек и сестёр
Полюбит с самых ранних пор
Неугомонный Робин.

Девчонкам — бог его прости! —
Уснуть не даст он взаперти,
Но знать не будет двадцати
Других пороков Робин.

Был он резвый паренек —
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

ФИНДЛЕЙ

— Кто там стучится в поздний час?
«Конечно, я — Финдлей!»
— Ступай домой. Все спят у нас!
«Не все!» — сказал Финдлей.

— Как ты прийти ко мне посмел?
«Посмел!» — сказал Финдлей.
— Небось, наделаешь ты дел.
«Могу!» — сказал Финдлей.

— Тебе калитку отвори...
«А ну!» — сказал Финдлей.
— Ты спать не дашь мне до зари!
«Не дам!» — сказал Финдлей.

— Попробуй в дом тебя впустить...
«Впусти!» — сказал Финдлей.
— Всю ночь ты можешь прогостить.
«Всю ночь!» — сказал Финдлей.

— С тобою ночь одну побудь...
«Побудь!» — сказал Финдлей.
— Ко мне опять найдешь ты путь.
«Найду!» — сказал Финдлей.

— О том, что буду я с тобой...
«Со мной!» — сказал Финдлей.
— Молчи до крышки гробовой!
«Идет!» — сказал Финдлей.

ПОДРУГА УГОЛЬЩИКА

— Не знаю, как тебя зовут,
Где ты живешь, не ведаю.
— Живу везде — и там и тут,
За угольщиком следую!

— Вот эти нивы и леса
И всё чего попросишь ты,
Я дам тебе, моя краса,
Коль угольщика бросишь ты!

Одену в шелк тебя, мой друг.
Зачем отрепья носишь ты?
Я дам тебе коней и слуг,
Коль угольщика бросишь ты!

— Хоть горы золота мне дай
И жемчуга отборного,
Но не уйду я — так и знай! —
От угольщика черного.

Мы днем развозим уголёк.
Зато порой ночною
Я заберусь в свой уголок.
Мой угольщик — со мною.

У нас любовь — любви цена,
А дом наш — мир просторный.
И платит верностью сполна
Мне угольщик мой черный!

СЧАСТЛИВЫЙ ВДОВЕЦ

В недобрый час я взял жену,
В начале мая месяца
И, много лет живя в плену,
Не раз мечтал повеситься.

Я был во всем покорен ей
И нес безмолвно бремя.
Но, наконец, жене моей
Пришло скончаться время.

Не двадцать дней, а двадцать лет
Прожив со мной совместно,
Она ушла, покинув свет,
Куда — мне неизвестно...

Я так хотел бы разгадать
Загробной жизни тайну,
Чтоб после смерти нам опять
Не встретиться случайно!

Я совершил над ней обряд—
Похоронил достойно.
Боюсь, что черт не принял в ад
Моей жены покойной.

Она, я думаю, в раю...
Порой в раскатах грома
Я грозный грохот узнаю,
Мне издавна знакомый!

Всю землю тьмой заволокло.
Но и без солнца нам светло.
Пивная кружка нам — луна.
А солнце — чарочка вина.

Готовь нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

Богатым — праздник целый год.
В труде, в нужде живет народ.
Но здесь равны и знать и голь:
Кто пьян, тот сам себе король!

Неси нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

Святой источник — мой стакан!
Он лечит от сердечных ран.
Ловлю я радости в вине,
Но лучшие живут на дне!

Давай нам счет, хозяйка,
Хозяйка, хозяйка!
Стаканы сосчитай-ка
И дай еще вина!

ЗАЗДРАВНЫЙ ТОСТ

У которых есть, что есть,— те подчас не могут
есть,
А другие могут есть, да сидят без хлеба.
А у нас тут есть, что есть, да при этом есть,
чем есть,—
Значит, нам благодарить остается небо!

ЖАЛОБА РЕКИ БРУАР

владельцу земель, по которым она протекает

I

О ты, кто не был никогда
Глухим к мольбам и стонам!
К тебе смиренная вода
Является с поклоном.

Во мне остался только ил.
Небесный зной жестокий
Ручьи до дна пересушил,
Остановил потоки.

II

Живая быстрая форель
В стремительном полете
Обречена попасть на мель,
Барахтаться в болоте.

Увы, ничем я не могу
Помочь своей форели.
Она лежит на берегу
И дышит еле-еле...

III

Я пролила немало слез
И пенилась от злости,
Когда какой-то бес принес
Поэта Бернса в гости.

Он написал мне пару строк,
А сочинил бы оду,
Когда увидел бы у ног
Бушующую воду!

IV

Давно ли я у грозных скал
Бурлила и ревела,
И водопад мой бушевал,
Вскипая пеной белой.

В те дни была я глубока,
Гордилась буйной силой,
И молодежь издалека
На берег приходила...

V

Прошу, припав к твоим ногам,
Во имя прежней славы
Ты насади по берегам
Кусты, деревья, травы.

Когда придешь под сень ветвей,
Плеснет, играя рыба
И благодарный соловей
Тебе споет: спасибо!

VI

И жаворонок в вышине
Зальется чистой трелью,
И отзовется в тишине
Щегол своей свирелью.

И зазвенят у теплых гнезд,
Проснувшись спозаранку,
Малиновка и черный дрозд,
Скворец и коноплянка.

VII

Они от бурь покров найдут
В разросшихся дубравах.
И заяц-трус найдет приют
В моих кустах и травах.

Пускай прохожего ольха
Манит своей прохладой,
А дуб укроет пастуха
От ливня и от града.

VIII

Ко мне влюбленные весной
Придут на берег тайно
И встретятся в тиши лесной
Как будто бы случайно.

Оберегая их покой,
Росы роняя слезы,
Благоуханною рукой
Прикроют их березы.

IX

И вновь придет ко мне поэт
В часы, когда сквозь ветки
На побережье лунный свет
Свои начертит клетки.

По склонам тихо он сойдет,
По шахматным полянам
Послушать гулкий рокот вод,
Окутанных туманом.

X

Пусть елки тянутся ко мне
Своей зубчатой тенью
И видят в ясной глубине
Верхушек отраженье.

Пускай берез листва звенит
На каменных утесах,
И мой боярышник хранит
Певцов звонкоголосых.

XI

Пусть, как цветы, в краю родном
Растут ребята наши,
Пусть будут крепче с каждым днем
И с каждым часом краше!

Греми до самых дальних дней
Веселый клич заздравный:
За сыновей и дочерей
Моей отчизны славной!

НАДПИСЬ НА БАНКОВОМ БИЛЕТЕ

Будь проклят, дьявольский листок!
Ты был всегда ко мне жесток.
Ты разлучил меня с подружкой
И за столом обносишь кружкой.
Ты обрекаешь честный люд
На голод, рабство, тяжкий труд
И шлешь искать земли и крова
Вдали от берега родного.

Не раз я видел, как злодей
Над жертвой тешился своей.
Давным-давно ехидным махом
Я гордеца смешал бы с прахом,
И только твой надежный щит
Его от мщения хранит.
А без тебя, нуждой гонимый,
Я покидаю край родимый.

ПРОЩАНИЕ

Кто доблестен, тот может ли страдать,
Или вернее, замечать страданья?
Но если он умножит жизнь свою,
Включив другие дорогие жизни —
Судьбу любимой хрупкой красоты,
Судьбу детей беспомощных, чье счастье
Зависит от него, — увы, тогда
Почувствовать он должен неизбежно
Занозу, разрывающую сердце.
Его судьба испуганно заплачет...
Так и со мной случилось. Я погиб.

Томсон. *«Эдвард и Элеонора»*

Моя Шотландия, прощай!
Милей мне твой туманный край
Садов богатых юга.
Прощай, родимая семья —
Сестра и брат, и мать моя,
И скорбная подруга!

С тоской тебя я обниму,
Малютка дорогая.
Тебя я брату своему
С надеждой поручаю.

И ты, мой
Любимый
Товарищ юных дней,
Участьем
В ненастье
Сирот моих согрей!

А ты, подруга, не грусти.
Чтобы тебя и честь спасти,
Бегу я в край далекий.
Нужда стучится к нам во двор,
Грозят нам голод и позор
И суд молвы жестокий.

Друзья, на дальнем берегу
В томительном изгнанье
Я благодарно сберегу
О вас воспоминанье.

Грохочет,
Пророчит
Бушующий простор:
Мне крова
Родного
Не видеть с этих пор!

НАДПИСЬ НА КНИГЕ СТИХОВ

Моя любовь давно минувших лет,
Твой милый голос в сердце не умолк.
Прими же дружбы искренний привет.
Да, дружбы,— лишь ее нам разрешает долг.

Когда получишь этот скромный дар,
Вздохни разок, подумав обо мне —
О том, кого томит в краю полдневном жар
Иль океан таит в холодной глубине.

КУЗНЕЦУ

Устал в полете конь Пегас,
Скакун крылатый Феба,
И должен был на краткий час
Сойти на землю с неба.

Крылатый конь — плохой ходок!
Скользя по мерзлым склонам,
Он захромал и сбился с ног
Под богом Аполлоном.

Пришлось наезднику сойти
И жеребца хромого
К Вулкану в кузницу вести,
Чтоб заказать подковы.

Колпак и куртку снял кузнец,
Работая до пота.
И заплатил ему певец
Сонетом за работу.

Вулкан сегодняшнего дня,
Твой труд ценю я выше.
Не подкуешь ли мне коня
За пять четверостиший?

МЭГГИ С МЕЛЬНИЦЫ

Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла?
Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла,
Нашла жениха, дурака и бездельника,
И сердце разбила у бедного мельника.

Был мельник хорош и в труде и в беседе,
Отважен, как лорд, и прекрасен, как леди.
Другой был невзрачный, пустой паренек,
Но туго набит был его кошелек.

Один обещал ей любовь и заботу,
Другой посулил посерьезнее что-то:
Гнедую лошадку с коротким хвостом,
С уздечкой в колечках, седлом и хлыстом.

Ох, деньги имеют изрядную силу,
Коль можно девицу купить за кобылу.
Приданое — важная в жизни статья,
Но дай мне любовь, дорогая моя!

ЧТО ДЕЛАТЬ ДЕВЧОНКЕ?

Что делать девчонке? Как быть мне, девчонке?
Как жить мне, девчонке, с моим муженьком?
За шиллинги, пенни загублена Дженни,
Обвенчана Дженни с глухим стариком.

Ворчлив он и болен, всегда недоволен.
В груди его холод, в руках его лед.
Кряхтит он, бормочет, уснуть он не хочет.
Как тяжко пробыть с ним всю ночь напролет!

Брюзжит он и злится, знакомых боится,
Друзей сторонится,— такой нелюдим!
Ко всем он ревнует жену молодую.
В худую минуту я встретилась с ним.

Спасибо, на свете есть тетушка Кэтти,—
Она мне дала драгоценный совет.
Во всем старикану перечить я стану,
Пока он не лопнет на старости лет!

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Ты спишь ли, друг мой дорогой?
Проснись и двери мне открой.
Нет ни звезды во мгле сырой.
Позволь в твой дом войти!

Впусти меня на эту ночь,
На эту ночь, на эту ночь.
Из жалости на эту ночь
В свой дом меня впусти!

Я так устал и так продрог,
Я под собой не чую ног.
Пусти меня на свой порог
И на ночь приюти.

Как ветер с градом и дождем
Шумит напрасно за окном,
Так я стучусь в твой тихий дом.
Дай мне приют в пути!

Впусти меня на эту ночь,
На эту, эту, эту ночь.
Из жалости на эту ночь
В свой дом меня впусти!

ЕЕ ОТВЕТ

Тебе ни дождь, ни снег, ни град
Не помешал попасть в мой сад.
И значит, можешь путь назад
Ты без труда найти.

Еще кругом глухая ночь,
Глухая ночь, глухая ночь.
Тебя впустить на эту ночь
Я не могу — прости!

Пусть на ветру ты весь продрог,—
От худших бед помилуй бог
Ту, что тебе через порог
Позволит перейти!

В саду раскрывшийся цветок
Лежит, растоптан, одинок.
И это девушке урок,
Как ей себя вести.

Птенца, не знавшего тревог,
В кустах охотник подстерёг.
И это девушке урок,
Как ей себя вести!

Стоит кругом глухая ночь,
Глухая ночь, глухая ночь.
Тебя впустить на эту ночь
Я не могу,— прости!

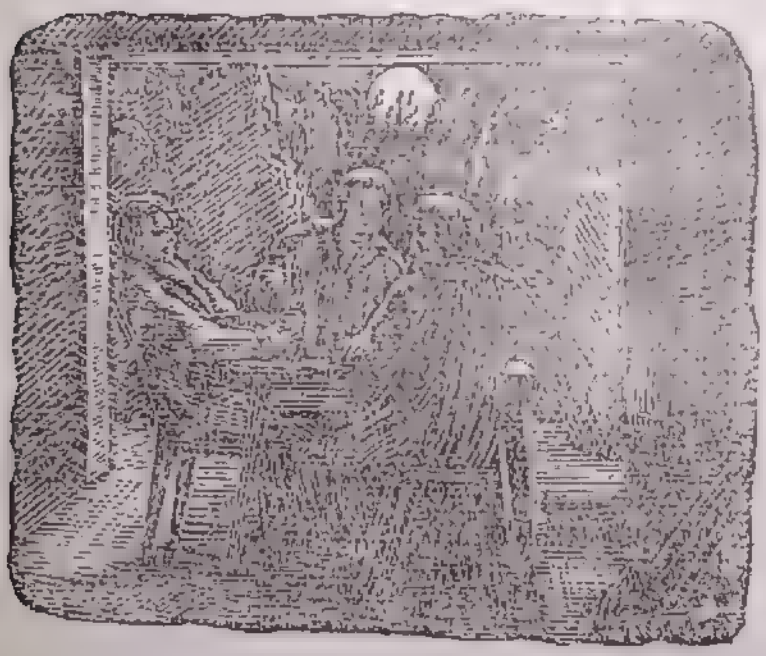
Наш Вилли пива наварил
И нас двоих позвал на пир.
Таких счастливых молодцов
Еще не знал крещеный мир!

Никто не пьян, никто не пьян,
А так, под мухою, чуть-чуть.
Пусть день встает, петух поет,
А мы непрочь еще хлебнуть!

Три молодца, мы дружно пьем.
Один бочонок — трое нас.
Не раз встречались мы втроем.
И встретимся еще не раз.

Что это — старая луна
Мигает нам из-за ветвей?
Она плывет, домой зовет...
Нет, подождать придется ей!

Последний тот из нас, друзья,
Кто первым ступит на порог.
А первый тот, кого струя
Из нас последним свалит с ног!



Со скрипкой черт пустился в пляс
И в ад умчал акцизного,
И все кричали: — В добрый час!
Он не вернется сызнова!

Мы варим пива лучший сорт
И пьем, справляя тризну.
Спасибо, черт, любезный черт,—
К нам не придет акцизный!

Есть пляски разные у нас
В горах моей отчизны,
Но лучший пляс, чертовский пляс
Сплясал в аду акцизный!

ОДА К ЗУБНОЙ БОЛИ

Ты, завладев моей скулой,
Пронзаешь десны мне иглой,
Сверлишь сверлом, пилишь пилой
Без остановки.
Мечусь, истерзанный и злой,
Как в мышеловке.

Так много видим мы забот,
Когда нас лихорадка бьет,
Когда подагра нас грызет
Иль резь в желудке.
А эта боль — предмет острот
И праздной шутки!

Бешусь я, исходя слюной,
Ломаю стулья, как шальной,
Когда соседи надо мной
В углу хохочут.
Пускай их бесы бороной
В аду щекочут!

Всегда жила со мной беда —
Неурожай, недуг, нужда,
Позор неправого суда,
Долги, убытки...
Но не терпел я никогда
Подобной пытки!
И я уверен, что в аду,
Куда по высшему суду
Я непременно попаду
(В том нет сомнений!),
Ты будешь первою в ряду
Моих мучений.

О, дух раздора и войны,
Что носит имя сатаны
И был низвергнут с вышины
За своеволье,
Казни врагов моей страны
Зубною болью!

Стакан вина и честный друг.
Чего ж еще нам, братцы?
Пускай забота и недуг
В грядущей тьме таятся.

Мы ловим радости в пути.
Пугливо наше счастье,
Оно исчезнет — и найти
Его не в нашей власти.

ПЕСНЯ

Растет камыш среди реки.
Он зелен, прям и тонок.
Я в жизни лучшие деньки
Провел среди девчонок.

Часы заботу нам несут,
Мелькая в быстрой гонке.
А счастья несколько минут
Приносят нам девчонки.

Богатство, слава и почет
Волнуют наши страсти.
Но даже тот, кто их найдет,
Найдет в них мало счастья.

Мне дай свободный вечерок
Да крепкие объятья —
И тяжкий груз мирских тревог
Готов к чертям послать я!

Пускай я буду осужден
Судьей в ослиной коже,
Но старый, мудрый Соломон
Любил девчонок тоже!

Сперва мужской был создан пол.
Потом, окончив школу,
Творец вселенной перешел
К прекраснейшему полу!

Нет ни души живой вокруг,
А на дворе темно.
Нельзя ль к тебе, мой милый друг,
Пролезть через окно?

— Благодарю тебя за честь,
Но помни уговор:
Ко мне одна дорога есть —
Через церковный двор!..

ПАСТУХ

Брела я вечером пешком
И повстречалась с пастушком.
Меня укутал он платком,
Назвал своею милой.

Гнал он коз
Под откос,
Где лиловый вереск рос,
Где ручей прохладу нёс, —
Стадо гнал мой милый.

— Пойдем по берегу со мной.
Там листья шепчутся с волной.
В шатер орешника сквозной
Луна глядит украдкой.

— Благодарю за твой привет,
Но у меня охоты нет
Платить слезами долгих лет
За этот вечер краткий!

— Нет, будешь ты ходить в шелках,
В нарядных, легких башмачках.
Тебя я буду на руках
Носить, когда устанешь.

— Ну, если так, тогда пойдем
В кусты орешника вдвоем,
И я надеюсь, что потом
Меня ты не обманешь.

Но он ответил мне: — Пока
Растет трава, течет река
И ветер гонит облака,
Моей ты будешь милой!

Гнал он коз
Под откос,
Где лиловый вереск рос,
Где ручей прохладу нёс,—
Стадо гнал мой милый.

МЕЛЬНИК

Мельник, пыльный мельник
Мелет нашу рожь.
Он истратил шиллинг,
Заработал грош.

Пыльный, пыльный он насквозь,
Пыльный он и белый.
Целоваться с ним пришлось —
Вся я поседела!

Мельник, пыльный мельник,
Белый от муки,
Носит белый мельник
Пыльные мешки.

Достает из кошелька
Мельник деньги белые.
Я для мельника-дружка
Все, что хочешь, сделаю!

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ МОЕЙ ОВЦЫ, КОТОРУЮ ЗВАЛИ МЭЙЛИ

Пишу стихами или прозой,
А по щекам струятся слезы.
Судьбы исполнились угрозы:
Погас мой свет.
Живут на свете овцы, козы,
А Мэйли нет!

Моя душа тоской объята.
Я потерял не клад богатый,—
Иная, тяжкая, утрата
Гнетет певца.
Меня любила, точно брата,
Моя овца.

Таких друзей на свете мало.
Меня узнав за два квартала,
Она по городу бежала
За мной вослед
И так сердечно отвечала
На мой привет.

Она была овцою кроткой,
Ходила чинною походкой
И не валила загородки
В чужом саду.
Грехов за век ее короткий
Я не найду.

Ее кудрявого барашка
Кормлю я хлебом или кашкой.
Увы, он так похож, бедняжка,
На мать свою,
Что я над ним вздыхаю тяжко
И слезы лью.

Она была не нашей местной
Овцой породы неизвестной,
Приплыл ее прапрадед честный,
Большой баран —
С ее прабабушкой совместно —
Из дальних стран.

Никто не снял с нее овчины.
Увы, единственной причиной
Ее безвременной кончины
Была петля...
И так же душишь люд невинный
Ты, конопля!

Пускай же все поэты Дуна
Настроят дудки или струны.
Пусть соберутся ночью лунной
Ко мне певцы
Прославить память Мэйли юной,
Моей овцы!

НАСЕКОМОМУ, КОТОРОЕ ПОЭТ УВИДЕЛ НА ШЛЯПЕ НАРЯДНОЙ ДАМЫ ВО ВРЕМЯ ЦЕРКОВНОЙ СЛУЖБЫ

Куда ты, низкое созданье?
Как ты проникло в это зданье?
Ты водишься под грубой тканью,
А высший свет —
Тебе не место: пропитанья
Тебе здесь нет.

Средь шелка, бархата и газа
Ты не укроешься от глаза.
Не сдобровать тебе, пролаза!
Беги туда,
Где голод, холод и зараза
Царят всегда.

Иди знакомою дорогой
В жилища братии убогой,
Где вас, кусающихся, много,

Где борона
Из гладкой кости или рога
Вам не страшна!

А сжели тебе угодно
Бродить по шляпе благородной,—
Тебе бы спрятаться, негодной,
В шелка, в цветы...

Но нет, на купол шляпки модной
Залезла ты!

На всех вокруг ты смотришь смело,
Как будто ты — крыжовник спелый,
Уже слегка порозовелый.

Как жаль, что нет
Здесь порошка, чтоб околела
Ты в цвете лет!

И пусть не встряхивает дама
Головкой гордой и упрямой.
О как должна она от срама
Потупить взгляд,
Узнав, что прихожане храма
За ней следят...

Ах, если б у себя могли мы
Увидеть всё, что ближним зримо,
Что видит взор идущих мимо
Со стороны,—
О как мы стали бы терпимы
И как скромны!

СВАТОВСТВО ДУНКАНА ГРЭЯ

Ду́нкан Грэй давно влюблен,
И в ночь под рождество
К нам свататься приехал он.
Вот это сватовство!

Приехал в праздничную ночь
Хозяйскую посватать дочь,
Но был с позором прогнан прочь.
Ха-ха! Вот сватовство!

Затылок взмок у жениха,
Ха-ха! Вот сватовство!
А Мегги будто бы глуха —
Не слышит ничего.

Он заводил с ней разговор,
Глаза и нос ладонью тер,
Топиться бегал через двор.
Вот это сватовство!

Любовь отвергнутая зла.
Вот это сватовство!
У парня рана зажила —
Вот это сватовство!

— Я, говорит, не так уж глуп,
Чтоб превратиться в жалкий труп
Из-за того, что ей не люб! —
Ха-ха! Вот сватовство!

А Мегги кличет докторов,
Вот это сватовство!
Она больна, а он здоров.
Вот это сватовство!

Что злой недуг с людьми творит!
В ее груди огонь горит,
А взгляд так много говорит...
Вот это сватовство!

Был добрый парень — Дункан Грэй,
Вот это сватовство!
Он скоро сжалился над ней,
Вот это сватовство!

Не мог он грех на совесть взять —
Лишить любимой дочки мать.
Он едет свататься опять...
Вот это — сватовство!

НАД РЕКОЙ АФТОН

Утихни, мой Афтон, в зеленом краю,
Утихни, а я тебе песню спою.
Пусть милую Мэри не будит волна
На склоне, где сладко уснула она.

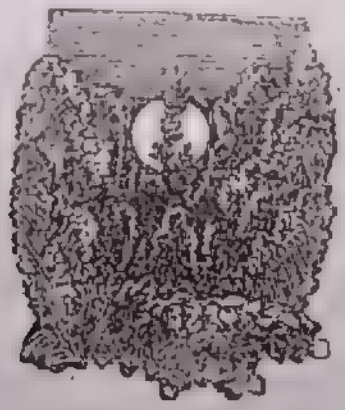
Пусть голубя стон из лесного гнезда,
Пусть звонкая, чистая флейта дрозда,
Зеленоголового чибиса крик
Покоя ее не встревожат на миг.

Прекрасны окрестные склоны твои,
Где змейками путь проложили ручьи.
Бродя по холмам, не свожу я очей
Со стада и домика Мэри моей.

Свежи и душисты твои берега,
Весной от цветов золотятся луга.
А в час, когда вечер заплачет дождем,
Приют под березой найдем мы вдвоем.

Поток твой петлю серебристую вьет
Вкруг тихого дома, где Мэри живет.
Идет она в лес, собирая цветы, —
К ногам ее белых бросаешься ты.

Утихни, мой Афтон, меж склонов крутых,
Умолкни, прославленный в песнях моих.
Пусть милую Мэри не будит волна —
Над берегом тихо уснула она.



Я ПЬЮ ТВОЕ ЗДОРОВЬЕ!

Прощай, красавица моя.
Я пью твое здоровье.
Надоедать не стану я
Тебе своей любовью.

Прощай, прости! Перенести
Сумею я разлуку.
А ты смекни да разочти,
Кому отдашь ты руку.

Ты говоришь: — Вступать мне в брак
Покуда неохота. —
А я скажу: — Я не дурак
И ждать мне нет расчета.

Я знаю, ждет твоя родня
Кого-то побогаче.
Она не жалует меня.
Ну, дай вам бог удачи!

Меня считают бедняком
Без имени и рода.
Но не нуждаюсь я ни в ком,—
При мне моя свобода.

Башка и руки — вот мой клад.
Всегда к труду готов я.
Как говорят, — сам чорт не брат,
Покуда есть здоровье!

Оно, конечно, высоко
Летит иная птица.
Но в дальней птице так легко
Порою ошибиться.

Прощай, мой друг. Я ухожу,
Куда ведет дорожка.
Но, может, в полночь погляжу
Я на твое окошко...

КОГДА КОНЧАЛСЯ СЕНОКОС

Когда кончался сенокос,
И колыхалась рожь волной,
И запах клевера и роз
Струей вливался в летний зной,

Когда в саду среди кустов
Жужжала сонная пчела,—
В тени, в загоне для коров
Беседа медленная шла.

Сказала Бесси, наклонясь
К своей соседке древних лет:
— Идти я замуж собралась.
— Ну что ж, худого в этом нет!

Твоих поклонников не счесть,
А ты, голубка, молода.
Ты можешь выбрать — время есть —
Себе усадьбу хоть куда!

Взяла бы Джона ты в мужья
Из Баски-Глена. Парень — клад.
А знаешь, курочка моя,
Где есть достаток, там и лад.

— Ну что мне Джон! На что мне он!
Я на него и не взгляну.
Свои амбары любит Джон,—
Зачем любить ему жену!

Мне Робин по сердцу давно,
И знаю,— я ему мила.
Я за словцо его одно
Весь Баски-Глен бы отдала!

— Но жизнь, малютка, не легка.
К богатству, к счастью — путь крутой.
И верь мне, полная рука
Куда сильней руки пустой.

Кто поумней, тот бережет.
У тех, кто тратит, нет ума.
И уж какой ты сваришь мед,
Такой и будешь пить сама!

— О да, за деньги не хитро
Купить поля, луга, стада,
Но золото и серебро
Не купят сердца никогда!

Пусть мой удел — убогий дом,
Пустой амбар и тесный хлев,—
Вдвоем мы лучше заживем
Всех королей и королев.

НОВОГОДНИЙ ПРИВЕТ СТАРОГО ФЕРМЕРА ЕГО СТАРОЙ ЛОШАДИ

Привет тебе, старуха-кляча,
И горсть овса к нему впридачу.
Хоть ты теперь скелет ходячий,
Но ты была
Когда-то лошадью горячей
И рысью шла.

Ты глуховата, слеповата.
Седая шерсть твоя примята.
А серой в яблоках когда-то
Была она.
И твой ездок был тоже хватом
В те времена!

Лошадкой ты была на славу.
Хозяин был тебе по нраву.
И я гордиться мог по праву,
Когда с тобой
Любую брали мы канаву,
Подъем любой.

Тебя с полсотней марок вместе
Родитель дал моей невесте.
Хоть капитал — скажу по чести —
Был очень мал,
Не раз добром подарок тестя
Я поминал.

Когда я стал встречаться с милой,
Тебе всего полгода было,
И ты за матерью-кобылой
Трусила вслед.
Ключом в тебе кипела сила
Весенних лет.

Я помню день, когда, танцуя
И щеголяя новой сбруей,
Везла со свадьбы молодую
Ты к нам домой.
Как любовался я, ликуя,
В тот день тобой!

Перевалив за три десятка,
Ты ходишь медленно и шатко.
С каким трудом дорогой краткой
Ты возишь кладь,
А прежде — чья могла лошадка
Тебя догнать?

Тебя на ярмарках, бывало,
Трактирщики кормили мало,
И все ж домой меня ты мчала,
Летя стрелой.
А вслед вся улица кричала:
— Куда ты? Стой!

Когда ж с тобой мы были сыты
И горло у меня промыто, —
В те дни дорогою открытой
Мы так неслись,
Как будто от земли копыта
Оторвались.

Ты, верно, помнишь эти гонки.
С обвислым крупом лошаденки
Теснились жалобно к сторонке,
Давая путь,
Хоть я не смел лозою тонкой
Тебя стегнуть.

Всегда была ты верным другом,
И нет конца твоим заслугам.
Напрягшись телом всем упругим,
Ты шла весной
Перед моим тяжелым плугом
И бороной.

Когда глубокий снег зимою
Мешал работать нам с тобою,
Я отмерял тебе с лихвою
Овес, ячмень
И знал, что ты заплатишь вдвое
Мне в летний день.

Твои два сына плуг мой тянут,
А двое кладь возить мне станут.
И, верно, не был я обманут,
Продав троих:
По десять фунтов чистоганом
Я взял за них.

Утомлены мы, друг, борьбою.
Мы всё на свете брали с бою.
Казалось, ниц перед судьбою
Мы упадем.
Но вот состарились с тобою,
А всё живем!

Не думай по ночам в тревоге,
Что с голоду протянешь ноги.
Пусть от тебя мне нет подмоги,
Но я в долгу —
И для тебя овса немного
Приберегу.

С тобой состарился я тоже.
Пора сменить нас молодежи
И дать костям и дряхлой коже
Передохнуть
Пред тем, как тронемся мы лежа
В последний путь.

ЗА ТЕХ, КТО ДАЛЁКО

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
А кто не желает свободе добра,
Того не помянем добром.

Добро быть веселым и мудрым, друзья,
Хранить прямоту и отвагу.
Добро за шотландскую волю стоять,
Быть верным шотландскому флагу.

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За Чарли, что ныне живет на чужбине,
И горсточку верных при нем.

Свободе — привет и почет.
Пускай бережет ее Разум.
А все тирании пусть дьявол возьмет
Со всеми тиранами разом!

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
За славного Тэмми, любимого всеми,
Что нынче живет под замком.

Да здравствует право читать,
Да здравствует право писать,
Правдивой страницы
Лишь тот и боится,
Кто вынужден правду скрывать.

За тех, кто далёко, мы пьем,
За тех, кого нет за столом.
Привет тебе, воин, что вскормлен и вспоен
В снегах на утесе крутом!

СТРОЧКИ О ВОЙНЕ И ЛЮБВИ

Прикрытый лаврами разбой
И сухопутный и морской
Не стоит славословья,
Готов я кровь отдать свою
В том жизнетворческом бою,
Что мы зовем любовью.

Я славлю мира торжество,
Довольство и достаток.
Создать приятней одного,
Чем истребить десяток!

О ПАМЯТНИКЕ, ВОЗДВИГНУТОМ БЕРНСОМ НА МОГИЛЕ ПОЭТА РОБЕРТА ФЕРГЮССОНА

Ни урны, ни торжественного слова,
Ни статуи в его ограде нет.
Лишь голый камень говорит сурово:
— Шотландия! Под камнем — твой поэт!

К ПОРТРЕТУ РОБЕРТА ФЕРГЮССОНА, ШОТЛАНДСКОГО ПОЭТА

Проклятье тем, кто, наслаждаясь песней,
Дал с голоду поэту умереть.
О старший брат мой по судьбе суровой,
Намного старший по служенью музам,
Я горько плачу, вспомнив твой удел.

Зачем певец, лишенный в жизни места,
Так чувствует всю прелесть этой жизни?

ПОСЛАНИЕ К СОБРАТУ-ПОЭТУ

I

Пусть ветер, воя, точно зверь,
Завалит снегом нашу дверь,—
Я, сидя перед печью,
Примусь, чтоб время провести,
Стихи досужие плести
На дедовском наречье.

Пусть вьюга в щели будет дуть
И громоздить сугробы,
Я не завидую ничуть
Вам, знатные особы.

Ни дому
Большому,
Ни жару очагов.

Проклятья
Послать я
Вам, гордецы, готов.

II

Когда глядишь со стороны,
Как все дары поделены,
Нельзя не рассердиться.
Тех, кто получше, гнет нужда,
А богатеют без труда
Невежда и тупица.

Но, Дэви, парень, что̀ роптать
На жребий наш суровый!
Нам не придется голодать,
Покуда мы здоровы.

Мы с горем
Поспорим.
Нам старость — нипочем!
Да и нужда —
Нам не беда.
И с ней мы проживем.

III

Ночлег в амбаре на земле,
Когда нуждается в тепле
Скудеющая кровь,—
Конечно, горькая беда,
Но все же радость и тогда
Нас посещает вновь.

Кто сердцем чист, душою прям
И прожил так, как надо,
К тому в беде по временам
Приходит и отрада.

Смотри же,
Найди же
В себе над страхом власть,
Беду забудь
И счастлив будь,
Что некуда упасть!

IV

Пускай, лишенные жилья,
Как птиц пролетная семья,
С тобой скитаться будем,

Но ширь полей, и листьев свод,
И даль долин, и ясность вод
Открыты вольным людям.

Когда цветут луга весны
И трель выводит дрозд,
Мы чистой радости полны,
Бродя с утра до звезд.

На склонах
Зеленых
Случайно подберем
Мотив мы,
А рифмы
Придут к нему потом.

V

Ни громкий чин, ни важный ранг,
Ни лондонский богатый банк
Блаженства не дают,
Ни многолистые тома,
Ни эти парки и дома,
Ни слава, ни уют.

Когда для счастья места нет,
Простора нет в груди,

Объехать можешь целый свет,
Но радости не жди.

Успехи,
Утехи
Не стоят ни гроша.
Ты прав иль нет, —
Пусть даст ответ
Тебе твоя душа.

VI

Неужто, Дэви, я и ты,
Трудясь с утра до темноты,
Несчастней тех господ,
Одетых в шелк или в атлас,
Что еле замечают нас —
Простой, честной народ?

Людей людьми не признают
Хозяева палат.
Удел одних — тяжелый труд,
Удел других — разврат.

В безделье,
В похмелье
Они проводят дни.
Ни в райский сад,
Ни в чертов ад
Не веруют они.

VII

Зачем же, Дэви, милый друг,
Нам скорбью омрачать досуг,
Покоя краткий час?
А коль в беду мы попадем,
И в ней мы доброе найдем,
Как видел я не раз.

Пускай беда нам тяжела,
Но в ней ты узнаёшь,
Как отличать добро от зла,
Где правда и где ложь.

Напасти,
Несчастья —
Суровый нам урок,
Но годы
Невзгоды
Порой идут нам впрок.

VIII

Собрат мой милый по судьбе,
Послушай, что скажу тебе.
(Чужда мне ложь и лесть!)
С тобой мы радости нашли.
За все сокровища земли
Таких не приобресть.

Они дают покой, уют,
Какого нет в раю.
Твою отраду «Мэг» зовут,
А «Джин» зовут мою.

Довольно
Невольно
Мне вспомнить имя «Джин»,—
Тепло мне,
Светло мне,
И я уж не один.

IX

Того, кто создал плоть и кровь,
Того, кто есть сама любовь,
В свидетели зову,

Что эта радость мне милей
Всех благ земных, души моей,
Всего, чем я живу.

Когда тревоги терпкий яд
Мою сжигает грудь,
Довольно вспомнить милый взгляд,
Чтоб силы мне вернуть.

В несчастье,
В ненастье
И в солнечные дни
Ее ты
Заботой
Своею осени!

X

Моя награда из наград —
Слеза любви, участья взгляд,
Улыбка добрых глаз!
Давно бы где-нибудь в пути
Я свой конец успел найти,
Не будь на свете вас.

Делю я с другом юных дней
Невзгод тяжелый груз.
Но узы есть еще нежней,
Чем дружеский союз.

Милее,
Светлее
Теперь мне этот свет,
Где ты, моя
Любимая,
И Дэви, друг-поэт.

XI

Назвал я Джин — и вот ко мне
Несутся строчки в тишине,
Жужжат, сбегаясь в строй,
Как будто Феб и девять муз,
Со мной вступившие в союз,
Ведут их за собой.

И пусть хромает мой Пегас,
Слегка его пришпорь,—
Пойдет он рысью, вскачь и в пляс,
Забыв и лень и хворь.

Но потное
Животное
Я должен пожалеть.
Пора в пути
С коня сойти
И пот с него стереть.

НАДПИСЬ НА АЛТАРЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

Кто независим, прям и горд,
В борьбе решителен и тверд,
Кому равно претит судьба
Рабовладельца и раба,
Кому строжайший приговор —
Своей же совести укор,
Тому, чья сила — правота,
Открой, алтарь, свои врата!

МОЛИТВА СВЯТОШИ ВИЛЛИ [1]

О ты, не знающий преград!
Ты шлешь своих любезных чад —
В рай одного, а десять в ад,
Отнюдь не глядя
На то, кто прав, кто виноват,
А славы ради.

Ты столько душ во тьме оставил.
Меня же, грешного, избавил,
Чтоб я твою премудрость славил
И мощь твою.
Ты маяком меня поставил
В родном краю.

Щедрот подобных ожидать я
Не мог, как и мои собратья.

[1] Святоша Вилли — Вильям Фишер — был церковным старостой и славился своей нетерпимостью и ханжеством.

Мы все отмечены печатью
Шесть тысяч лет —
С тех пор, как заслужил проклятье
Наш грешный дед.

Я твоего достоин гнева
Со дня, когда покинул чрево.
Ты мог послать меня налево —
В кромешный ад,
Где нет из огненного зева
Пути назад.

Но милосердию нет меры.
Я избежал огня и серы
И стал столпом, защитой веры,
Караю грех
И благочестия примером
Служу для всех.

Изобличаю я сурово
Ругателя и сквернослова,
И потребителя хмельного,
И молодежь,
Что в праздник в пляс пойти готова,
Подняв галдеж.

Но умоляю провиденье
Простить мои мне прегрешенья.
Подчас мне бесы вожделенья
Терзают плоть.
Ведь нас из праха в день творенья
Создал господь!

Вчера я вышел на дорогу
И встретил Мэгги-недотрогу.
Клянусь всевидящему богу,
Обет приму,
Что на нее я больше ногу
Не подниму.

Еще я должен повиниться,
Что в постный день я у девицы,
У этой Лиззи смуглолицей,
Гостил тайком.
Но я в тот день, как говорится,
Был под хмельком.

Но, может, страсти плоти бренной
Во мне бушуют неизменно,
Чтоб не мечтал я дерзновенно
Жить без грехов.
О, если так, я их смиренно
Терпеть готов.

Храни рабов твоих, о боже,
Но покарай как можно строже
Того из буйной молодежи,
Кто без конца
Даст нам [illegible], строит рожи,
Забыв творца.

К таким [illegible] многих можно.
Вот Г[illegible] спутник безбожный,
Пристрастен он к игре картежной,
Но всем так мил,
Что [illegible] на путь свой ложный
Он совратил.

Когда ж пытались понемножку
Мы указать ему дорожку,
Над нами он смеялся в лежку
С толпой друзей,—
Господь, сгнои его картошку
И сельдерей!

Еще казни, о царь небесный,
Пресвитеров из церкви местной.
(Их имена тебе известны.)
Рассыпь во прах
Тех, кто судил о нас нелестно
В своих речах!

Вот Эйкен. Он — речистый малый.
Ты и начни с него, пожалуй.
Он так рабов твоих, бывало,
Нещадно бьет,
Что в жар и в холод нас бросало,
Вгоняло в пот.

Для нас же — чад твоих смиренных —:
Ты не жалей своих бесценных
Даров — и тленных и нетленных,
Нас не покинь,
А после смерти в сонм блаженных
Прими. Аминь!

НАДГРОБНОЕ СЛОВО ЕМУ ЖЕ

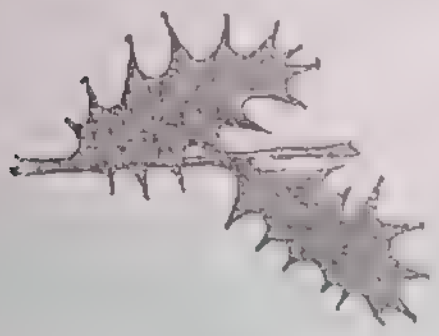
Святого Р[illegible] жалкий прах
Покоится в могиле.
Но дух его не в небесах.
Пошел налево Вилли.

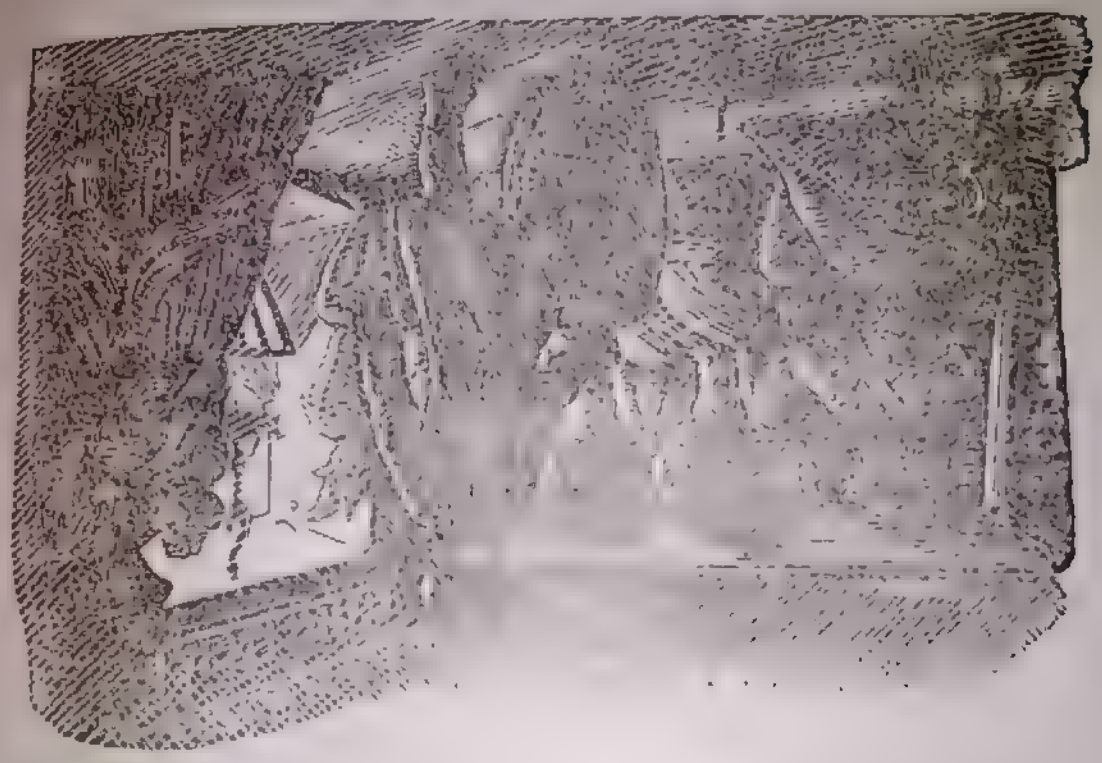
Постойте! Мы его нашли
Между землей и адом.
Его лицо черней земли.
Но кто идет с ним рядом?

А, понимаю,— это черт
С девятихвостой плеткой.
Не согласитесь ли, милорд,
На разговор короткий?

Я знаю, жалость вам чужда.
В аду свои законы.
Нет снисхожденья у суда,
И минул день прощеный.

Но для чего тащить во мрак
Вам эту жертву смерти?
Покойник был такой дурак,
Что засмеют вас черти!





ВЕСЕЛЫЕ НИЩИЕ

КАНТАТА

Когда бесцветна и мертва
Летит последняя листва,
Опалена зимой,
И новорожденный мороз
Кусает тех, кто гол и бос,
И гонит их домой, —

В такие дни толпа бродяг
Перед зарей вечерней
Отдаст лохмотья за очаг
В какой-нибудь таверне.

За кружками
С подружками
Они пред очагом
Горланят,
Барабанят,
И всё дрожит кругом.

В мундире, сшитом из заплат,
У очага сидел солдат
В ремнях, с походным ранцем.
Пред ним любовница была,
От хмеля, ласки и тепла
Пылавшая румянцем.

Не помня горя и забот,
Ласкал он побирушку,
А та к нему тянула рот,
Как нищенскую кружку.

И чокались
И чмокались
Сто раз они подряд,
Пока хмельную песню
Не затянул солдат.

ПЕСНЯ

Я воспитан был в строю, а испытан я в бою.
Украшает грудь мою много ран.
Этот шрам получен в драке, а другой в лихой атаке

В ночь, когда гремел во мраке барабан.

Я учиться начал рано — у Абрамова Кургана.
В этой битве пал мой капитан.
И учился я не в школе, а в широком ратном
поле,
Где кололи мы врагов под барабан.

Пусть я отдал за науку ногу правую и руку,—
Вы узнаете по стуку мой чурбан.
Если в бой пойдет пехота под командой Элиота,
Я пойду на костылях под барабан!

Одноногий и убогий, я ночую у дороги
В дождь и стужу, в бурю и туман.
Но при мне мой ранец, фляжка, а со мной моя
милашка,
Как в те дни, когда я шел под барабан.

Пусть башка моя седа, амуниция худа
И постелью служит мне бурьян,—
Выпью кружку и другую, поцелую дорогую
И пойду на всех чертей под барабан!

РЕЧИТАТИВ

Солдат умолк. И грянул хор,
И дрогнул потолок.

Две крысы, выглянув из нор,
Пустились наутек.

Скрипач бродячий крикнул: «Бис!
Ты спой еще разок!»
Но заглушил его и крыс
Осипший голосок.

ПЕСНЯ

Девицей была я... не помню когда,—
И люблю молодежь, хоть не так молода.
Мать в драгунском полку погостила когда-то.
Оттого-то я жить не могу без солдата!

Был первый мой друг весельчак и буян.
Он только и знал, что стучал в барабан.
Парень был он лихой, крепконогий, усатый.
Что таить!.. Я влюбилась в красавца солдата.

Соблазнил меня добрый, седой капеллан
На стихарь променять полковой барабан.
Он душой рисковал,— в том любовь виновата,—
Я же — телом своим. И ушла от солдата.

Но невесело жить со святым стариком.
Скоро стал моим мужем весь полк целиком —

От трубы до капрала, известного хвата.
Приласкать я готова любого солдата.

После мира пошла я с клюкой и сумой.
Мой друг отставной повстречался со мной.
Тот же красный мундир — на заплате заплата.
То-то рада была я увидеть солдата!

Хоть живу я на свете бог весть как давно,
Вместе с вами пою, попиваю вино.
И пока моя рюмка в ладони зажата,
Буду пить за тебя, мой герой, — за солдата!

РЕЧИТАТИВ

В углу сидел базарный шут.
К соседке воспылав любовью,
Не разбирал он, что поют,
И только пил ее здоровье.

Но вот, разгорячен вином
Или соседкой разогретый,
Поставив кружку кверху дном,
Он прохрипел свои куплеты.

ПЕСНЯ

Мудрец от похмелья глупеет, а плут
Шутом выступает на сессии.

Но разве сравнится неопытный шут
Со мной — дураком по профессии!

Мне бабушка в детстве купила букварь.
Учился я грамоте в школах,
И всё ж дураком я остался, как встарь.
Ведь олух — до старости олух.

Вино из бочонка тянул я взасос,
Гонял за соседскою дочкой.
Но сам я подрос — и бочонок подрос
И стал здоровенною бочкой!

За пьянство меня среди белого дня
Связали и ввергли в темницу,
А в церкви за то осудили меня,
Что я опрокинул девицу.

Я — клоун бродячий, жонглёр, акробат,
Умею плясать на канате.
Но в Лондоне есть у меня, говорят,
Счастливый соперник в палате!

А наш проповедник! Какую подчас
С амвона он корчит гримасу!
Клянусь вам, он хлеб отбивает у нас,
Хотя облачается в рясу.

Недаром ношу я дурацкий колпак —
Меня он и кормит и поит.
А кто для себя и бесплатно дурак,
Тот очень немногого стóит!..

РЕЧИТАТИВ

Дурак умолк. За ним вослед
Особа встала средних лет,
С могучим станом, грозной грудью.
Ее не раз судили судьи
За то, что ловко на крючок
Она ловила кошелек,
Кольцо, платок и что придется.
Народ топил ее в колодце,
Но утопить никак не мог, —
Сам сатана ее берег.

В былые дни — во время оно —
Она любила горца Джона.
И вот запела про него,
Про Джона, горца своего.

ПЕСНЯ

Мой Джон — дитя шотландских скал —
Закон долины презирал.

Но как любил родимый склон
Мой славный горец, статный Джон.

Споем, подружки, про него,
Поднимем кружки за него.
Нет среди горцев никого
Отважней Джона моего!

Он был как щеголь разодет —
Берет с пером и пестрый плед.
С ума сводил шотландских жен
Мой славный горец, храбрый Джон.

От речки Твид до речки Спей
С веселой свитою своей
Мы кочевали — я и он,
Мой верный друг, мой статный Джон.

Но присудил его судья
К изгнанью в дальние края.
Зазеленел весною клен, —
И вновь ко мне вернулся Джон.

В тюрьму попал он с корабля.
Там обняла его петля...
Будь проклят тот, кем осужден
Мой статный горец, храбрый Джон!

И вот осталась я одна
И допиваю жизнь до дна.
Но пусть шотландских кружек звон
Тебе приветом будет, *Джон*!..

Споем, подружки, про него,
Поднимем кружки за него.
Нет среди горцев никого
Отважней *Джона* моего!

— За *Джона*! — гаркнул пьяный хор,—
Он был красой Шотландских гор!..

РЕЧИТАТИВ

Был в кабачке скрипач поджарый.
Пленился он воровкой старой,
Но был так мал,
Что лишь бедро ее крутое,
Как решето, одной рукою
Он обнимал.

Развеселить желая даму,
Прорепетировал он гамму
Разок-другой.
Потом, наполнив кружку пивом,
Запел он голосом писклявым
Мотив такой.

ПЕСНЯ

Позволь слезу твою смахнуть.
Моей возлюбленною будь
И всё прошедшее забудь.
Плевать на остальное!

Житье на свете скрипачу —
Иду-бреду, куда хочу.
Так не живется богачу.
Плевать на остальное!

Где дочку замуж выдают,
Где после жатвы пиво пьют,—
Для нас всегда готов приют.
Плевать на остальное!

Мы будем кости грызть вдвоем,
А спать на травке над ручьем,
И на досуге мы споем:
«Плевать на остальное!»

Пока растет на свете рожь
И любит пляску молодежь,—
Со мной безбедно проживешь.
Плевать на остальное!..

РЕЧИТАТИВ

Пока скрипач бродячий пел,
Сжигаемый любовью,
Лудильщик удалой успел
Пленить сердечко вдовье.

Схватил за ворот скрипача
Его соперник бравый
И уж готов был сгоряча
Пронзить рапирой ржавой.

Скрипач мышонком запищал,
Склонил пред ним колени
И отказаться обещал
От всех поползновений...

Но всё ж, прикрыв лицо полой
Смеялся он притворно,
Когда лудильщик удалой,
Хлебнув, запел задорно.

ПЕСНЯ

Я, ваша честь,
Паяю жесть.
Лудильщик я и медник.

Хожу пешком
Из дома в дом.
На мне прожжен передник.

Я был в войсках.
С ружьем в руках
Стоял на карауле.
Теперь опять
Иду паять,
Чинить-паять
Кастрюли!

Вот этот хлыщ
Душою нищ,
Твой прежний собеседник.
Любовь моя,
Бери в мужья
Того, на ком передник.

Любовь моя,
Лудильщик я
И круглый год в дороге.
Авось вдвоем
Мы проживем
Без горя и тревоги!

РЕЧИТАТИВ

В ответ на нежные слова,
Нимало не краснея,
С похмелья бросилась вдова
Лудильщику на шею.

Скрипач им больше не мешал,
И, потрясен их страстью,
Он только поднял свой бокал
И пожелал им счастья
На эту ночь!

Но бес опять его увлек:
Подсев к другой соседке,
Ее позвал он в уголок,
Где куры спали в клетке.

Ее супруг — по ремеслу
Поэт, певец натуры —
Застиг их вовремя в углу
И не дал строить куры
Им в эту ночь!

Был неказист и хромоног
Поэт, певец бродячий,
И хоть по внешности убог,
Но сердцем всех богаче.

Он жил на свете не спеша,
Умел любить веселье,
А пел он, что поет душа...
И вот что спел с похмелья
Он в эту ночь.

ПЕСНЯ

Я — лишь поэт. Не ценит свет
Моей струны веселой.
Но мне пример — слепой Гомер:
За нами вьются пчелы.

И то сказать.
И так сказать.
И даже больше вдвое.
Одна уйдет, женюсь опять.
Жена всегда со мною.

Я не был у Кастальских вод,
Не видел муз воочию,
Но здесь из бочки пена бьет —
И всё такое прочее!

Я пью за круг моих подруг,
Служу им дни и ночи я.
Порочить плоть, что дал господь, —
Великий грех и прочее.

Одну люблю и с ней делю
Постель и хмель и прочее,
А много ль дней мы будем с ней,
Об этом не пророчу я.

За женский пол! Вино на стол!
Сегодня всех я потчую.
За нежный пол, лукавый пол
И всё такое прочее!..

РЕЧИТАТИВ

Поэт окончил — и кругом
Рукоплесканий грянул гром,
И каждый нес на бочку
Всё, что отдать хозяйке мог,—
Медяк, запрятанный в сапог,
Тряпье последнее в залог,
Последнюю сорочку.

Друзья до риз перепились,
Плясали доупаду
И у поэта принялись
Просить еще балладу.

Поэт сидел меж двух подруг
У винного бочонка,
И, оглядев веселый круг,
Запел он песню звонко.

ПЕСНЯ

В эту ночь сердца и кружки
До краев у нас полны.
Здесь — на дружеской пирушке
Все пьяны и все равны!

К черту тех, кого законы
От народа берегут.
Тюрьмы — трусам оборона,
Церкви — ханжеству приют.

Что в деньгах и прочем вздоре!
Кто стремится к ним — дурак.
Жить в любви, не зная горя,
Безразлично, где и как!

Песней гоним мы печали,
Шуткой красим свой досуг
И в полях на сеновале
Обнимаем мы подруг.

Вам, милорд, в своей коляске
Нас в пути не обогнать,
И такой не знает ласки
Ваша брачная кровать.

Жизнь — в движенье бесконечном:
Радость — горе, тьма и свет.
Репутации беречь нам
Не приходится — их нет!

Напоследок с песней громкой
Эту кружку подыму
За дорожную котомку,
За походную суму!

Ты, огонь в сердцах и в чашах,
Никогда нас не покинь.
Пьем за вас, подружек наших.
Будьте счастливы. Аминь!

ТЭМ О'ШЕНТЕР

ПОВЕСТЬ В СТИХАХ

Когда на город ляжет тень
И кончится базарный день,
И продавцы бегут, задвинув
Засовом двери магазинов,
И нас кивком сосед зовет
Стряхнуть ярмо дневных забот,—

Тогда у полной бочки эля,
Вполне счастливые от хмеля,
Мы не считаем верст, канав,
Мостков, опасных переправ
До нашего родного крова,
Где ждет жена, храня сурово
Свой гнев, как пламя очага,
Чтоб мужа встретить, как врага.

Об этом думал Тэм О'Шентер,
Когда во тьме покинул центр
Излюбленного городка,
Где он наклюкался слегка.

А город, где он нализался —
Старинный Эйр,— ему казался
Гораздо выше всех столиц
По красоте своих девиц.

О Тэм! забыл ты о совете
Своей супруги — мудрой Кэтти.
А ведь она была права...
Припомни, Тэм, ее слова:

«Бездельник, шут, пропойца старый,
Не пропускаешь ты базара,
Чтобы не плюхнуться под стол.
Ты пропил с мельником помол.
Чтоб ногу подковать кобыле,
Вы с кузнецом две ночи пили.
Ты в праздник ходишь в божий дом,
Чтобы потом за полной кружкой
Ночь просидеть с церковным служкой
Или нарезаться с дьячком!
Смотри же: в полночь пенароком
Утонешь в омуте глубоком
Иль попадешь в гнездо чертей
У старой церкви Аллоуэй!»

О жены! Плакать я готов,
Припомнив, сколько мудрых слов
Красноречивейшей морали
Мы без вниманья оставляли...
Но продолжаем повесть. Тэм
Сидел в трактире перед тем.
Трещало в очаге полено.
Над кружками клубилась пена,
И слышался хрустальный звон.
Его сосед — сапожник Джон —
Был верный друг его до гроба:
Не раз под стол валились оба!

Так проходил за часом час.
А в очаге огонь не гас.
Шел разговор. Гремели песни.
Эль становился все чудесней.
И Тэм О'Шентер через стол
Роман с трактирницей завел.
Они обменивались взглядом,
Хотя супруг сидел с ней рядом.
Но был он, к счастью, погружен
В рассказ, который начал Джон,

И, голос Джона прерывая,
Гремел, как туча грозовая.

То дождь, то снег хлестал в окно,
Но пьяным было все равно!

Заботы в кружках потонули,
Минута каждая плыла,
Как пролетающая в улей
Перегруженная пчела.
Блажен король. Но кружка с пивом
Любого делает счастливым!

Но счастье — точно маков цвет:
Сорвешь цветок — его уж нет.
Часы утех подобны рою
Снежинок легких над рекою.
Примчатся к нам на краткий срок
И прочь летят, как ветерок.
Так исчезает, вспыхнув ярко,
На небе радужная арка...

Всему на свете свой черёд.
И Тэм из-за стола встает.

Седлает клячу он во мраке.
Кругом не слышно и собаки.
Не позавидуешь тому,
Кто должен мчаться в эту тьму!

Дул ветер из последних сил,
И град хлестал, и ливень лил,
И вспышки молний тьма глотала,
И небо долго грохотало...
В такую ночь, как эта ночь,
Сам дьявол погулять не прочь.

Но поворот за поворотом,—
О'Шентер мчался по болотам.
Рукой от бури заслонясь,
Он несся вдаль, взметая грязь.

То шляпу он сжимал в тревоге,
То пел сонеты по дороге,
То зорко вглядывался в тьму,
Где черт мерещился ему...

Вот, наконец, неясной тенью
Мелькнула церковь в отдаленье.
Оттуда слышался, как зов,
Далекий хор чертей и сов.

Невдалеке — знакомый брод.
Когда-то здесь у этих вод
В глухую ночь на берегу
Торговец утонул в снегу.

Здесь, у прибрежных этих скал,
Пропойца голову сломал.

Там — под поникшею ракитой —
Младенец найден был зарытый.

А дальше — тот засохший дуб,
Где женщины качался труп...

Разбуженная непогодой,
Река во тьме катила воды.
Кругом гремел тяжелый гром,
Змеился молнии излом.
И невдали за перелеском,
Озарена туманным блеском,
Меж глухо стонущих ветвей
Открылась церковь Аллоуэй.
Неслись оттуда стоны, крики,
И свист, и визг, и хохот дикий.

Ах, Джон Ячменное Зерно!
В твоем огне закалено,
Оживлено твоею чашей,
Не знает страха сердце наше.
От кружки мы полезем в ад.
За чаркой нам сам черт не брат!

А Тэм О'Шентер был под мухой
И не боялся злого духа,
Но клячу сдвинуть он не мог,
Пока движеньем рук и ног,
Угрозой, лаской и силой
Не победил свою кобылу.
Она дрожа пошла к вратам.
О боже! Что творилось там!..

Толпясь, как продавцы на рынке,
Под трубы, дудки и волынки
Водили адский хоровод
Колдуньи, ведьмы всех пород.
И не кадриль они плясали,
Не новомодный котильон,
Что привезли к нам из Версаля,
Не танцы нынешних времен,
А те затейливые танцы,
Что знали старые шотландцы:
Взлетали, топнув каблуком.
Вертелись по полу волчком.

На этом празднике полночном
На подоконнике восточном
Сидел с волынкой старый Ник
И выдувал бесовский джиг.

Всё веселей внизу плясали.
И вдруг гроба, открывшись, встали,
И в каждом гробе был скелет
В истлевшем платье прошлых лет.

Все мертвецы держали свечи.
Один мертвец широкоплечий
Чуть звякнул кольцами оков,
И понял Тэм, кто он таков.

Тут были крошечные дети,
Что мало пожили на свете
И умерли, не крещены,
В чем нет, конечно, их вины...
Тут были воры и злодеи
В цепях, с веревкою на шее.
При них орудья грабежа:
Пять топоров и три ножа,
Одна подвязка, чье объятье
Прервало краткий вёк дитяти.
Один кинжал, хранивший след
Отцеубийства древних лет:
Навеки к острию кинжала
Седая прядь волос пристала...

Но тайну остальных улик
Не в силах рассказать язык.

И Тэм и Мэг — его кобыла —
Видали все что в церкви было,
Безмолвно стоя у дверей.

Кружились ведьмы всё быстрей,
Неслись вприпрыжку и вприскочку,
Гуськом, кружком и в одиночку,
То парами, то сбившись в кучу.
И пар стоял над ними тучей.
Потом разделись и в белье
Плясали на своем тряпье.

Будь эти пляшущие тетки
Румянощекие красотки,
И будь у теток на плечах
Взамен фланелевых рубах
Сорочки ткани белоснежной,
Стан обвивающие нежно,
Клянусь, отдать я был бы рад
За их улыбку или взгляд
Не только сердце или душу,
Но и штаны свои из плюша,
Свои последние штаны,
Уже не первой новизны.

А эти ведьмы древних лет,
Свой обнажившие скелет,
Живые жерди и ходули
Во мне нутро перевернули!

Но Тэм нежданно разглядел
Среди толпы костлявых тел,
Обтянутых гусиной кожей,
Одну бабенку помоложе!
Как видно, на бесовский пляс
Она явилась в первый раз.
(Потом молва о ней гремела:
Она и скот губить умела,
И корабли пускать на дно,
И портить в колосе зерно!)

Она была в рубашке тонкой,
Которую еще девчонкой
Носила, и давно была
Рубашка ветхая мала.
Не знала бабушка седая,
Сорочку внучке покупая,
Что внучка в ней плясать пойдет
В пустынный храм среди болот,
Что бесноваться будет Нэнни
Среди чертей и привидений...

Но музу должен я прервать.
Ей эта песня не под стать,
Не передаст она, как ловко
Плясала вёрткая чертовка,
Как на пороге бедный Тэм
Стоял недвижен, глух и нем,
А дьявол, потеряв рассудок,
Свирепо дул в десяток дудок.

Но вот прыжок, еще прыжок —
И удержаться Тэм не мог.
Он прохрипел, вздыхая тяжко:
«Ах ты, короткая рубашка!..»
И в тот же миг прервался пляс,
И замер крик, и свет погас...

Но только тронул Тэм поводья,
Завыло адское отродье...
Как мчится пчел гудящий рой,
Когда встревожен их покой,
Как носится пернатых стая,
От лап кошачьих улетая,
Иль как народ со всех дворов
Бежит на крик «Держи воров!» —

Так Мэгги от нечистой силы
Насилу ноги уносила
Через канаву, пень, бугор,
Во весь галоп, во весь опор...

О Тэм! Как жирную селедку,
Тебя швырнуть на сковородку.
Напрасно ждет тебя жена:
Вдовой останется она.
Не сдобровать твоей кобыле,—
Ее бока в поту и в мыле.

О Мэг! Скорей беги на мост,—
И покажи нечистым хвост,—
Боятся ведьмы, бесы, черти
Воды текучей, точно смерти!

Увы, еще перед мостом
Пришлось ей повертеть хвостом.
Как вздрогнула она, бедняжка,
Когда Короткая Рубашка,
Вдруг вынырнув из-за куста,
Вцепилась ей в репей хвоста...

В последний раз собравшись с силой,
Рванулась добрая кобыла,
Взлетела на скрипучий мост,
Чертям оставив серый хвост.

Ах, после этой страшной ночи
Во много раз он стал короче!

На этом кончу я рассказ.
Но если кто-нибудь из вас
Прельстится полною баклажкой
Или Короткою Рубашкой,—

Пусть вспомнит ночь, и дождь, и снег,
И старую кобылу Мэг!..

ДВЕ СОБАКИ

Где в память Койла-короля
Зовется исстари земля,
В безоблачный июньский день,
Когда собакам лаять лень,
Сошлись однажды в час досуга
Два добрых пса, два верных друга.

Один был Цезарь. Этот пес
В усадьбе лорда службу нес.
И шерсть и уши выдавали,
Что был шотландцем он едва ли,
А привезен издалека,
Из мест, где ловится треска.
Он отличался ростом, лаем
От всех собак, что мы встречаем.

Ошейник именной, с замком,
Прохожим говорил о том,
Что Цезарь был весьма почтенным
И просвещенным джентльменом.

Он родовит был, словно лорд,
Но — к черту спесь! — он не был горд
И целоваться лез со всякой
Лохматой, грязною собакой,
Каких немало у шатров
Цыган — бродячих мастеров.

У кузниц, мельниц и лавчонок,
Встречая шустрых собачонок,
Вступал он с ними в разговор,
Мочился с ними на забор.

А пес другой был сельский колли,
Веселый дома, шумный в поле,
Товарищ пахаря и друг
И самый преданный из слуг.

Его хозяин — резвый малый,
Чудак, рифмач, затейник шалый —
Решил — кто знает, почему! —
Присвоить колли своему
Прозванье «Лóат». Имя это
Носил какой-то пес, воспетый
В одной из песен иль баллад
Так много лет тому назад.

Был этот Лю́ат всем по нраву.
В лихом прыжке через канаву
Не уступал любому псу.
Полоской белой на носу
Самой природою отмечен,
Он был доверчив и беспечен.

Черна спина его была,
А грудь, как первый снег, бела.
И пышный хвост, блестящий, черный,
Кольцом закручен был задорно.

Как братья, жили эти псы.
Они в свободные часы
Мышей, кротов ловили в поле,
Резвились, бегали на воле
И, завершив свой долгий путь,
Присаживались отдохнуть
В тени ветвей над косогором,
Чтобы развлечься разговором.

А разговор они вели
О людях — о царях земли.

Цезарь

Мой честный Лю́ат! Верно, тяжкий
Удел достался вам, бедняжки.

Я знаю только высший круг,
Которому жильцы лачуг
Должны платить за землю птицей,
Углём, и шерстью, и пшеницей.
Наш лорд живет не по часам,
Встает, когда захочет сам.
Открыв глаза, звонит лакею,
И тот бежит, сгибая шею.
Потом карету лорд зовет—
И конь с каретой у ворот.
Уходит лорд, монеты пряча
В кошель, длинней, чем хвост собачий,
И смотрит с каждой из монет
Георга третьего портрет.

До ночи повар наш хлопочет,
Печет и жарит, варит, мочит,
Сперва попотчует господ,
Потом и слугам раздает
Супы, жаркие и варенья,—
Что ни обед, то разоренье!
Не только первого слугу
Здесь кормят соусом, рагу,
Но и последний досужачий,
Тщедушный шут, живет богаче,
Чем тот, кто в поле водит плуг.

А что едят жильцы лачуг,—
При всем моем воображенье
Я не имею представленья.

Лоат

Ах, Цезарь, я у тех живу,
Кто дни проводит в грязном рву,
Копается в земле и в глине
На мостовой и на плотине,

Кто от зари до первых звезд
Дробит булыжник, строит мост,
Чтоб прокормить себя, хозяйку
Да малышей лохматых стайку.

Пока работник жив-здоров,
Есть у ребят и хлеб и кров,
Но если в нищенский приют
Подчас болезни забредут,
Придет пора неурожаев
Иль не найдет бедняк хозяев,—
Нужда, недуги, холода
Семью рассеют навсегда..

А все ж, пока не грянет буря,
Они живут, бровей не хмуря.
И поглядишь, — в конце концов
Немало статных молодцов
И прехорошеньких подружек
Выходит из таких лачужек.

Цезарь

Однако, Лю́ат, вы живете
В обиде, в нищете, в заботе.
А ва́ши беды замечать
Не хочет чопорная знать.
Все эти лорды на холопов —
На землеробов, землекопов —
Глядят с презреньем, свысока,
Как мы с тобой на барсука!

Не раз, не два я видел дома,
Как управитель в день приема
Встречает тех, кто в точный срок
За землю уплатить не мог.
Грозит отнять у них пожитки,
А их самих раздеть до нитки.
Ногами топает, кричит,
А бедный терпит и молчит.
Он с малых лет привык бояться
Мошенника и тунеядца...

Не знает счастья нищий люд.
Его удел — нужда и труд!

Лоат

Нет, несмотря на все напасти,
И бедняку знакомо счастье.
Знавал он голод и мороз —
И не боится их угроз.

Он не пугается соседства
Нужды, знакомой с малолетства.
Богатый, бедный, старый, юный —
Все ждут подарка от фортуны.
А кто работал свыше сил,
Тем без подарка отдых мил.

Нет лучшей радости на свете,
Чем свой очаг, жена и дети,
Малюток резвых болтовня
В свободный вечер у огня.
А кружка пенсовая с пивом
Любого сделает счастливым.
Забыв нужду на пять минут,
Беседу бедняки ведут
О судьбах церкви и державы
И судят лондонские нравы.

А сколько радостей простых
В осенний праздник всех святых!
Так много в городах и селах
Затей невинных и веселых.
Людей в любой из деревень
Роднит веселье в этот день.
Любовь мигает, ум играет,
А смех заботы разгоняет.

Как ни нуждается народ,
А Новый год есть Новый год.
Пылает уголь. Эль мятежный
Клубится пеной белоснежной.
Отцы усядутся кружком
И чинно трубку с табаком
Передают один другому.
А юность носится по дому.
Я от нее не отстаю
И лаю,— так сказать, пою.

Но, впрочем, прав и ты отчасти.
Нередко плут, добившись власти,
Рвет, как побеги сорняков
Из почвы, семьи бедняков,
Стремясь прибавить грош к доходу,
А более всего — в угоду
Особе знатной, чтобы с ней
Себя связать еще тесней.

А знатный лорд идет в парламент
И, проявляя темперамент,
Клянется — искренне вполне —
Служить народу и стране.

Цезарь

Служить стране!.. Ах ты, дворняжка.
Ты мало знаешь свет, бедняжка.
В палате досточтимый сэр
Повто́рит, что велит премьер.
Ответит „да" иль скажет „нет",
Как пожелает кабинет.

Зато он будет вечерами
Блистать и в опере и в драме,
На скачках, в клубе, в маскараде,
А то возьмет и скуки ради
На быстрокрылом корабле
Махнет в Гаагу и в Кале,
Чтобы развлечься за границей,
Повеселиться, покружиться
Да изучить, увидев свет,
Хороший тон и этикет.

Растратит в Вене и Версале
Фунты, что деды наживали,

Заглянет по пути в Мадрид,
И на гитаре побренчит
Да полюбуется картиной
Боев испанцев со скотиной.

Неаполь быстро оглядев,
Ловить он будет смуглых дев.
А после на немецких водах
В тиши устроится на отдых
Пред тем, как вновь пуститься в путь,
Чтоб свежий вид себе вернуть
Да смыть нескромный след, который
Оставлен смуглою синьорой...

Стране он служит?.. Что за вздор!
Несет он родине позор,
Разврат, раздор и униженье.
Вот каково его служенье!

Лоат

Я вижу, эти господа
Растратят скоро без следа
Свои поля, свои дубравы...
Порой и нас мутит лукавый.
— Эх, черт возьми! — внушает черт.—
Пожить бы так, как этот лорд!..

Но, Цезарь, если б наша знать
Была согласна променять
И двор и свет с его отравой
На мир и сельские забавы,—
Могли прожить бы кое-как
И лорд, и фермер, и батрак.

Не знаешь ты простого люда.
Он прям и честен, хоть с причудой.
Какого черта говорят,
Что он и зол и плутоват!
Ну, срубит в роще деревцо,
Ну, скажет лишнее словцо
Иль два по поводу зазнобы
Одной сиятельной особы.
Ну, принесет к обеду дичь,
Коль удалось ее настичь,
Подстрелит зайца на охоте
Иль куропатку на болоте.
Но честным людям никогда
Не причиняет он вреда.

Теперь скажи: твой высший свет
Вполне ли счастлив или нет?

Цезарь

Нет, братец, поживи в палатах—
Иное скажешь о богатых!
Не страшен холод им зимой,
И не томит их летний зной,
И непосильная работа
Не изнуряет их до пота,
И сырость шахт или канав
Не гложет каждый их сустав.
Но так уж человек устроен:
Он и в покое неспокоен.
Где нет печалей и забот,
Он сам беду себе найдет.
Крестьянский парень вспашет поле —
И отдохнет себе на воле.
Девчонка рада, если в срок
За прялкой выполнит урок.
Но люди избранного круга
Не терпят тихого досуга.

Томит их немочь, вялость, лень.
Бесцветным кажется им день,
А ночь — томительной и длинной,
Хоть для тревоги нет причины.

Не веселит их светский бал,
Ни маскарад, ни карнавал,

Ни скачка бешеным галопом
По людным улицам и тропам.
Всё напоказ, чтоб видел свет,
А для души отрады нет!

Кто проиграл в турнире партий,
Находит вкус в другом азарте —
В ночной разнузданной гульбе.
А днем им всем не по себе.
А наши леди!.. Сбившись в кучку,
Они, друг дружку взяв под ручку,
Ведут душевный разговор...
Принять их можно за сестер.

Но эти милые особы
Полны такой взаимной злобы,
Что если б высказались вслух.
Затмить могли чертей и шлюх.

За чайной чашечкой в гостиной
Они глотают яд змеиный.
Потом, усевшись за столы,
Играют до рассветной мглы
В картишки — в чертовы картинки.
Плутуют нагло, как на рынке,
На карту ставят весь доход
Крестьянина за целый год,
Чтобы спустить в одно мгновенье...

Бывают, правда, исключенья —
Без исключений правил нет,—
Но так устроен высший свет...

Давно уж солнце скрылось прочь,
Пришла за сумерками ночь...
Мычали на лугу коровы,
И жук гудел струной басовой,
И вышел месяц в небеса,
Когда простились оба пса.
Ушами длинными тряхнули,
Хвостами дружески махнули,
Пролаяв: — Славно, черт возьми,
Что бог не создал нас людьми!

И, потрепав один другого,
Решили повстречаться снова.

ЭПИГРАММЫ

К ПОРТРЕТУ ДУХОВНОГО ЛИЦА

Нет, у него не лживый взгляд.
Его глаза не лгут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец — плут!

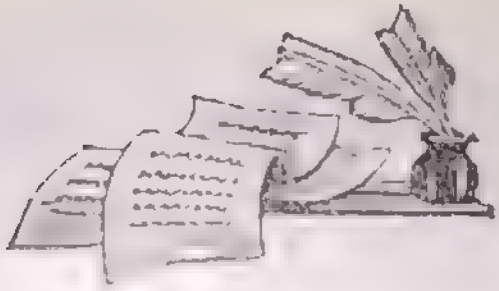
КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ

Пусть книжный червь — жилец резного шкафа —
В поэзии узоры прогрызет,
Но, уважая вкус владельца-графа,
Пусть пощадит тисненый переплет!

ПОКЛОННИКУ ЗНАТИ

У него — герцогиня знакомая,
Пообедал он с графом на днях...

Но осталось собой насекомое,
Побывав в королевских кудрях.



НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ШКОЛЬНОГО ПЕДАНТА

В кромешный ад сегодня взят
Тот, кто учил детей.
Он может там из чертенят
Воспитывать чертей.

О ЧЕРЕПЕ ТУПИЦЫ

Господь во всем, конечно, прав.
Но кажется непостижимым,
Зачем он создал прочный шкаф
С таким убогим содержимым!

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ЧЕСТОЛЮБЦА

Покойник был дурак и так любил чины,
Что требует в аду короны сатаны.

— Нет,— молвил сатана.— Ты зол и даже слишком,
Но надо обладать каким-нибудь умишком!

НА ЛОРДА ГАЛЛОУЭЙ

I

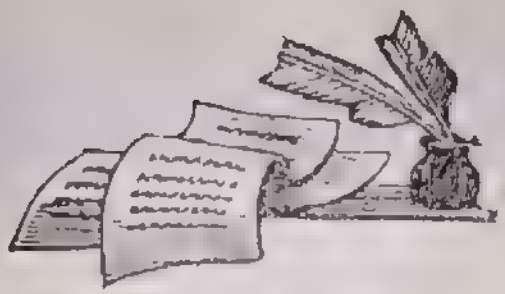
В его роду известных много,
Но сам он не в почете.
Так древнеримская дорога
Теряется в болоте!

II

Тебе дворец не ко дворцу.
Попробуй отыскать
Глухую, грязную нору —
Душе твоей под стать!

ЭПИТАФИЯ БЕЗДУШНОМУ ДЕЛЬЦУ

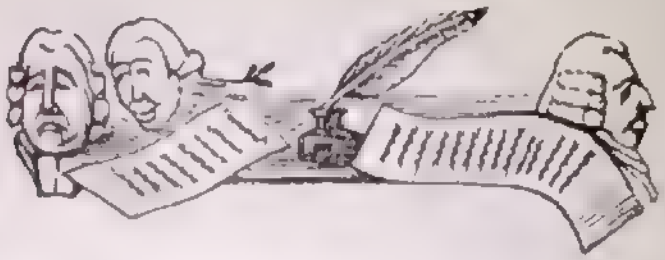
Здесь Джон [illegible]ится в тиши.
Конечно, только тело...
Но, говорят, оно души
И прежде не имело!



ПРОПОВЕДНИКУ ЛЕМИНГТОНСКОЙ ЦЕРКВИ

Нет злее ветра этих дней,
Нет церкви — этой холодней.
Не церковь, а какой-то ле́дник.
А в ней холодный проповедник!

Пусть он согреется в аду,
Пока я вновь сюда приду!



В ЗАЩИТУ АКЦИЗНОГО

Вам, остроумцам, праздным и капризным,
Довольно издеваться над акцизным.

Чем лучше ваш премьер или священник,
С живых и мертвых требующий денег
И на приход глядящий с укоризной?
Кто он такой? Духовный ваш акцизный!

ХУДОЖНИКУ

Прими мой дружеский совет:
Писать тебе не надо
Небесных ангелов портрет.
Рисуй владыку ада!

Тебе известней адский лорд,
Чем ангел белокурый.
Куда живее выйдет черт,
Написанный с натуры!

ЭПИТАФИЯ ТВЕРДОЛОБОМУ ТРУСУ

Клади [illegible] толстый слой
На это сердце робкое,
Но башню целую построй
Над черепной коробкою!

ПЕРЕВОДЧИКУ МАРЦИАЛА

О ты, кого поэзия изгнала,
Кто в нашей прозе места не нашел,—
Ты слышишь крик поэта Марциала:
«Разбой! Грабеж! Меня он перевел!..»

О ПЛОХИХ ДОРОГАХ

Я ехал к вам то вплавь, то вброд.
Меня хранили боги.
Не любит местный ваш народ
Чинить свои дороги.

Строку из библии прочти,
О город многогрешный:
Коль ты не выпрямишь пути,
Пойдешь ты в ад кромешный!

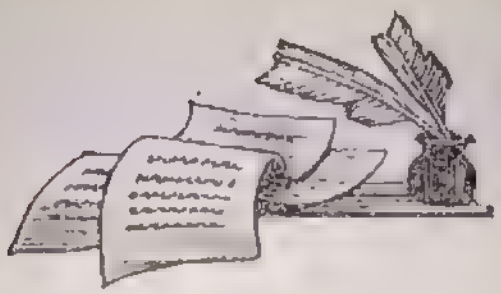
СТИХИ, НАПИСАННЫЕ АЛМАЗОМ НА ОКНЕ ГОСТИНИЦЫ

Мы к вам пришли
Не тешить взгляд
Прекрасным вашим домом,
А для того,
Чтоб смрадный ад
Был местом,
Нам знакомым.

Мы к вам стучались
Целый час.
Привратник не ответил.
И дай нам бог,
Чтоб так же нас
Привратник ада встретил!

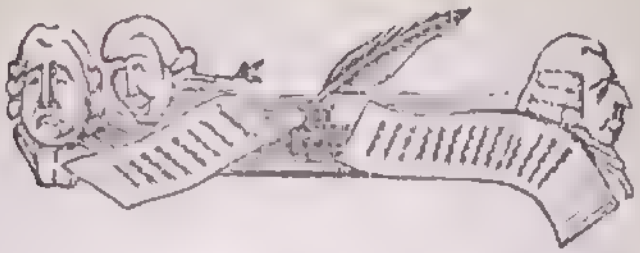
НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ СКРЯГИ

Под камнем сим погребены
Твои, скупец, останки.
Ты можешь в царстве сатаны
Служить хранителем казны
В его подземном банке!



НАДПИСЬ НА ОФИЦИАЛЬНОЙ БУМАГЕ, КОТОРАЯ ПРЕДПИСЫВАЛА ПОЭТУ «СЛУЖИТЬ, А НЕ ДУМАТЬ»

К политике будь слеп и глух,
Коль ходишь ты в заплатах.
Запомни: зрение и слух —
Удел одних богатых!

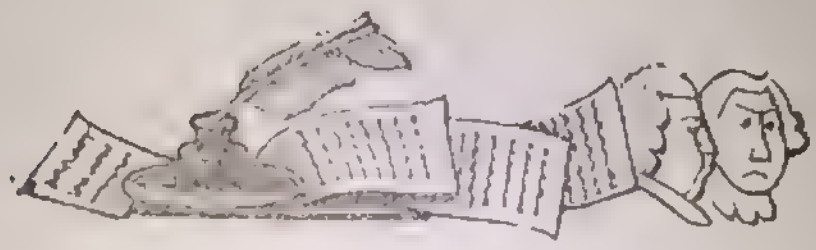


ЯРЛЫЧОК НА КАРЕТУ ЗНАТНОЙ ДАМЫ

Как твоя госпожа, ты трещишь, дребезжа,
Обгоняя возки, таратайки.
Но слетишь под откос, если оси колёс
Ненадежны, как сердце хозяйки!

ДЕВУШКЕ МАЛЕНЬКОГО РОСТА

На то и меньше мой алмаз
Гранитной темной глыбы,
Чтобы дороже во сто раз
Его ценить могли бы!



НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ

Прошел Джон Бушби честный путь.
Он жил с моралью в дружбе...
Попробуй, дьявол, обмануть
Такого Джона Бушби!

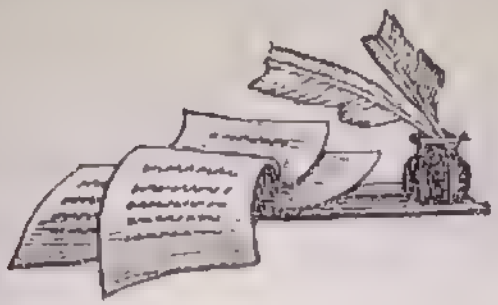
НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ СЕЛЬСКОГО ВОЛОКИТЫ

Рыдайте, добрые мужья,
На этой скорбной тризне.
Сосед покойный, — слышал я, —
Вам помогал при жизни.

Пусть школьников шумливый рой
Могилы не тревожит:
Тот, кто лежит в земле сырой,
Был им отцом, быть может!

ЭПИТАФИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ЛАТЫНИ

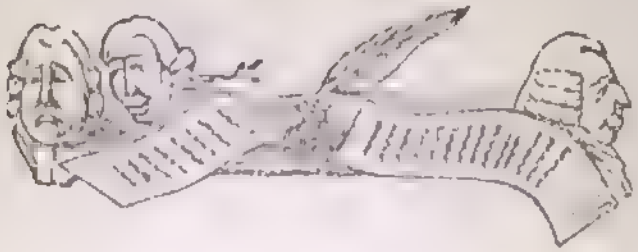
Тебе мы кланяемся низко.
В последний раз сказав: «аминь!»
Грешил ты редко по-английски.
Пусть бог простит твою латынь!



ЛОРД-АДВОКАТ

Слова он сыпал, обуян
Ораторским экстазом,
И красноречия туман
Ему окутал разум.

Он стал затылок свой скрести,
Нуждаясь в смысле здравом,
И где не мог его найти,
Заткнул прорехи правом...



ОТВЕТ «ВЕРНОПОДДАННЫМ УРОЖЕНЦАМ ШОТЛАНДИИ»

Вы, верные трону, безропотный скот,
Пируйте, орите всю ночь напролет.

Позор ваш — надежный от зависти щит.
Но что от презрения вас защитит?

ПОТОМКУ СТЮАРТОВ

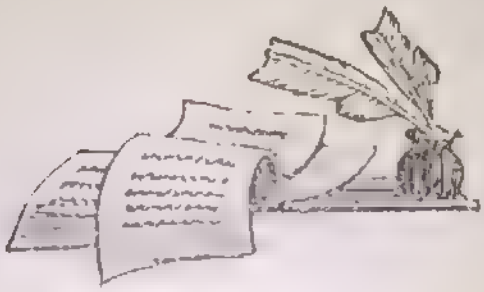
Нет, вы — не Стюарт, ваша честь.
Бесстрашны Стюартов сердца.
Глупцы в семействе этом есть,
Но не бывало подлеца!

ЭПИТАФИЯ СТАРУХЕ ГРИЗЗЕЛЬ ГРИМ

Лежит карга под камнем сим.
И не могу понять я,
Как старой ведьме Гриззель Грим
Раскрыла смерть объятья!

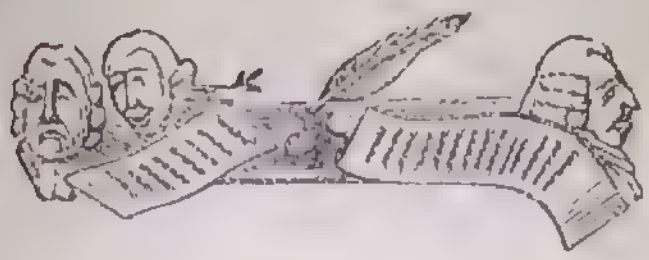
О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОЙ ОСОБЫ

В году семьсот сорок девятом
(Точнее я не помню даты)
Лепить свинью задумал черт.
Но вдруг в последнее мгновенье
Он изменил свое решенье,
И вас он вылепил, милорд!



ЭПИТАФИЯ ВИЛЬЯМУ ГРЭХЕМУ, ЭСКВАЙРУ

Склонясь у гробового входа,
— О, смерть! — воскликнула природа: —
Когда удастся мне опять
Такого олуха создать!..



ПО ПОВОДУ БОЛЕЗНИ КАПИТАНА ФРЕНСИСА ГРОУЗА

Проведав, что Френсис в объятиях смерти,
Топ-топ — прибежали к одру его черти.
Но, слыша, как стонут под грузом больного
Тяжелые ножки кровати дубовой,
Они отказались принять его душу:
Легко ли поднять эту грузную тушу!

КАПИТАНУ РИДДЕЛЮ
ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ГАЗЕТЫ

Газетные строчки
Прочел я до точки,
Но в них, к сожалению, мало
Известий столичных,
Вестей заграничных.
И крупных разбоев не стало.

Газетная братья
Имеет понятье,
Что значит известка и глина,
Но в том, что сложнее,—
Ручаться я смею,—
Она, как младенец, невинна.

И это перо
Не слишком остро.
Боюсь, что оно не ответит
На все бесконечное ваше добро...
Ах, если б у солнца мне вырвать перо —
Такое, что греет и светит!

КОММЕНТАРИИ

«Честная бедность». — Одно из самых ярких обличительных произведений Бернса. Своими [illegible] они стали широко распространенной песней.

«Джон Ячменное Зерно». — В основу этого стихотворения положена старинная народная песня.

«В горах мое сердце». — Предки поэта жили в северной горной Шотландии. Там, в «сердце Шотландии», до сих пор сохранился кельтский язык (гэлик). В XVIII веке «мятежные кланы» Севера охотно примыкали к восстаниям, направленным против английского правительства.

«Полевой мыши...». — Крестьяне, земляки Бернса, до сих пор показывают приезжим то поле, на котором Бернсом было создано это стихотворение.

«Дерево свободы». — По цензурным соображениям, это стихотворение, воспевающее Французскую революцию, не увидело свет при жизни Бернса. Оно пролежало в рукописи до 1838 года.

«Брюс — шотландцам». — Свои свободолюбивые чувства поэт выражает в речи, которую якобы произносит шотландский король Роберт Брюс перед битвой при Бэннокберне (1314). В этой битве шотландцы одержали победу над войском английского короля Эдуарда II. В стихотворении упоминается борозшийся с англичанами шотландский национальный герой Уоллес.

«Макферсон перед казнью».— В основу этого стихотворения положена песня, будто бы сочиненная воином и пиратом Макферсоном за несколько дней перед казнью (1700). Рассказывают, что, когда Макферсон шел к виселице, он пел сочиненную им песню, приплясывая и аккомпанируя себе на скрипке (Макферсон был прославленным скрипачом). Легенда рисует Макферсона человеком огромного роста, мощной физической силы и отчаянной храбрости.

«Горной маргаритке...».— Это стихотворение, по свидетельству брата поэта Гильберта, было создано Бернсом, когда он шел за плугом.

«Любовь».— В основу этого стихотворения положена народная песня, будто бы сложенная воином, отправляющимся в поход.

«Робин» — уменьшительное от Роберт. В ночь на 25 января 1759 года, когда родился Бернс, к ним зашла цыганка, которая гадала новорожденному по руке.

«Заздравный тост».— Однажды перед обедом поэту предложили прочитать молитву. Вместо молитвы Бернс экспромтом придумал и произнес эти стихи.

«Надпись на банковом билете».— Бернс написал это стихотворение на оборотной стороне банкнота, который сохранился.

«Прощание».— Написано в тот год (1786), когда Бернс собирался уехать на Ямайку. Эпиграф — из стихотворения английского поэта, шотландца по происхождению, Джеймса Томсона (1700—1748).

«Надпись на книге стихов».— Посвящено Пегги Томсон — девушке, «перепутавшей всю тригонометрию», когда Бернс учился в землемерной школе. Ей же посвящено одно из ранних стихотворений поэта, «Конец лета» (стр. 73).

«Ода к зубной боли».— К этому стихотворению имеется пометка Бернса: «Написано в то время, когда автора терзала зубная боль».

«Элегия на смерть моей овцы...».— Бернс любил животных. Как-то раз одна из его овец, которую звали Мэйли, запуталась в привязи и чуть не задохнулась. Хотя ее удалось спасти, Бернс в тот же день написал эту „элегию", а также другое стихотворение — «Смерть и последние слова бедной Мэйли».

«Насекомому...».— Это стихотворение, написанное в Эдинбурге в 1786 году, когда Бернс пользовался кратковременным

признанием «высшего общества», вызвало возмущение эдинбургской знати, которая находила его «вульгарным».

«За тех, кто далеко».— Стихотворение посвящено тем, кто сочувствовал Французской революции и пострадал за это. «Чарли» — Чарльз Стюарт, потомок шотландских королей, живший в изгнании. Для Бернса он был символом национальной независимости Шотландии: недаром говорили, что многие из «якобитов» — приверженцев Стюартов — стали «якобинцами».

«Надпись на алтаре независимости».— Эти стихи недавно обнаружены и впервые напечатаны в новом английском издании произведений Бернса.

«Молитва святоши Вилли», «Надгробное слово ему же».— Сам Бернс так комментировал эти стихи: «Святоша Вилли (Вильям Фишер), старый холостяк и один из старост мохлинского прихода, прославился своей назидательной болтовней, обычно переходившей в пьяное словоблудие, и елейным распутством со слезливыми покаяниями. Святоша Вилли и пастор Оулд, по решению «пресвитеров из церкви местной», проиграли процесс, затеянный против нотариуса Гамильтона, отчасти благодаря таланту гамильтонова адвоката Эйкена, но главным образом потому, что м-р Гамильтон был одним из самых безупречных и уважаемых граждан города. Моя муза подслушала молитву „святоши Вилли" после того, как он проиграл процесс».

«Веселые нищие».— Знаменитая кантата не была напечатана при жизни Бернса. Впервые она увидела свет после смерти поэта в 1798 году.

«Тэм О'Шентер».— О фермере Дугласе Грэме О'Шентере, отчаянном пьянице, больше всего на свете боявшемся своей сварливой жены, крестьяне той местности, в которой жил Бернс, рассказывали много анекдотов. Однажды, пока Дуглас сидел в трактире, мальчишки выдрали хвост у его кобылы. Он заметил это лишь по возвращении домой. Чтобы оправдаться в глазах жены, Дуглас сочинил рассказ о чертях и ведьмах. Этот эпизод подсказал Бернсу сюжет его поэмы, которую он сам очень любил.

«В защиту акцизного».— Однажды в присутствии Бернса, служившего в то время мелким акцизным чиновником, какой-то помещик стал издеваться над акцизными. Бернс подошел к окну и написал этот экспромт алмазом на стекле.

«Ответ „верноподданным...“».— Бернс презирал шотландцев, называвших себя «верноподданными уроженцами Шотландии». Однажды за столом в таверне один из таких «верноподданных» протянул Бернсу листок бумаги. На этом листке был написан пасквиль на «бунтовщиков», в том числе и на Бернса. Поэт тут же написал ответ и передал его «верноподданным».

«Потомку Стюартов».— Эпиграмма на того же кичившегося своим родством со Стюартами лорда Галлоуэй, которому посвящена одна из эпиграмм выше.

«Капитану Ридделю при возвращении газеты».— Бернс не имел возможности выписывать газеты. Его сосед, капитан Риддель, посылал ему пачки прочитанных газет и журналов.

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь Роберта Бернса. *Р. Райт-Ковалева* 3

ПЕСНИ, БАЛЛАДЫ, ПОЭМЫ

Честная бедность («Кто честной бедности своей...») . 23
Джон Ячменное Зерно («Трех королей разгневал он...») 26
В горах мое сердце («В горах мое сердце... Доныне я там...») 29
Старая дружба («Забыть ли старую любовь...») . . . 30
Был честный фермер мой отец 32
Полевой мышп, гнездо которой разорено моим плугом («Зверек проворный, юркий, гладкий...») 36
Дерево свободы («Есть дерево в Париже, брат...») . . 39
Брюс — шотландцам («Вы, кого водили в бой...») . . 45
Шотландская слава («Навек простись, Шотландский край...») 47
Лучший парень («Лучший парень наших лет...») . . . 49
Песня девушки («Он меня поцеловал...») 51
Макферсон перед казнью («Так весело...») 52
Возвращение солдата («Умолк тяжелый гром войны...») . 54
Маленькая баллада («Где-то девушка жила...») 58
Джон Андерсон («Джон Андерсон, мой старый друг...») 59
Горной маргаритке, которую я примял своим плугом («О, скромный, маленький цветок...») 61
«Давно ли цвел зеленый дол...» 64
Любовь («Любовь, как роза, роза красная...») 65

«Пробираясь до калитки...» 66
Конец лета («Пророчат осени приход...») 67
«В полях, под снегом и дождем...» 69
Поцелуй («Влажная печать признаний...») 71
Песня («Нынче здесь, завтра там — беспокойный Вилли...») 72
«Из всех ветров, какие есть...» 74
«Скалистые горы, где спят облака...» 75
Песня («Ты свистни — тебя не заставлю я ждать...») . 77
Ночлег в пути («Меня в горах застигла тьма...») . . . 79
«Что видят люди в городке...» 83
Моему незаконнорожденному ребенку («Дочурка, пусть со мной беда...») 85
Босая девушка («Об этой девушке босой....») 89
Лорд Грегори («Полночный час угрюм и тих...») . . . 90
«Ты меня оставил, Джеми...» 92
«Вина мне пинту раздобудь...» 93
Робин («В деревне парень был рожден...») 95
Финдлей («— Кто там стучится в поздний час?..») . . 97
Подруга угольщика («— Не знаю, как тебя зовут...») . 99
Счастливый вдовец («В недобрый час я взял жену...») . 101
«Всю землю тьмой заволокло...» 103
Заздравный тост («У которых есть, что есть,— те подчас не могут есть...») 105
Жалоба реки Бруар владельцу земель, по которым она протекает («О ты, кто не был никогда...») 106
Надпись на банковом билете («Будь проклят, дьявольский листок!..») 112

Прощание («Моя Шотландия, прощай!..») 113
Надпись на книге стихов («Моя любовь давно минувших лет...») 116
Кузнецу («Устал в полете конь Пегас...») 117
Мэгги с мельницы («Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла?..») 119
Что делать девчонке? («Что делать девчонке? Как быть мне, девчонке?..») 120
Ночной разговор («Ты спишь ли, друг мой дорогой?..») 121
«Наш Вилли пива наварил...» 124
«Со скрипкой черт пустился в пляс...» 126
Ода к зубной боли («Ты, завладев моей скулой...») . . 127
«Стакан вина и честный друг...» 129
Песня («Растет камыш средь реки...») 130
«Нет ни души живой вокруг...» 132
Пастух («Брела я вечером пешком...») 133
Мельник («Мельник, пыльный мельник...») 135
Элегия на смерть моей овцы, которую звали Мэйли («Пишу стихами или прозой...») 136
Насекомому, которое поэт увидел на шляпе нарядной дамы во время церковной службы («Куда ты, низкое созданье?..») 139
Сватовство Дункана Грэя («Дункан Грэй давно влюблен...») 141
Над рекой Афтон («Утихни, мой Афтон, в зеленом краю...») 145
Я пью твое здоровье! («Прощай, красавица моя...») . . 147
Когда кончался сенокос 149

Новогодний привет старого фермера его старой лошади («Привет тебе, старуха-кляча...») 152
За тех, кто далеко («За тех, кто далеко, мы пьем...») . . 157
Строчки о войне и любви («Прикрытый лаврами разбой...») 159
О памятнике, воздвигнутом Бернсом на могиле поэта Роберта Фергюссона («Ни урны, ни торжественного слова...») 160
К портрету Роберта Фергюссона, шотландского поэта («Проклятье тем, кто, наслаждаясь песней...») . . 161
Послание к собрату-поэту («Пусть ветер, воя, точно зверь...») 163
Надпись на алтаре независимости («Кто независим, прям и горд...») 173
Молитва святоши Вилли («О ты, не знающий преград!..») 175
Надгробное слово ему же («Святого Вилли жалкий прах...») 180
Веселые нищие («Когда, бесцветна и мертва...») . . . 183
Тэм О'Шентер («Когда на город ляжет тень...») . . . 201
Две собаки («Где в память Койла-короля...») 215

ЭПИГРАММЫ

К портрету духовного лица 231
Книжный червь 232
Псклоннику знати 233
Надпись на могиле школьного педанта 234
О черепе тупицы 235

Надпись на могиле честолюбца 236
На лорда Галлоуэй 237
Эпитафия бездушному дельцу 238
Проповеднику Лемингтонской церкви 239
В защиту акцизного 240
Художнику 241
Эпитафия твердолобому трусу 242
Переводчику Марциала 243
О плохих дорогах 244
Стихи, написанные алмазом на окне гостиницы . . 245
Надпись на могиле скряги 246
Надпись на официальной бумаге, которая предписывала поэту «служить, а не думать» 247
Ярлычок на карету знатной дамы 248
Девушке маленького роста 249
Надгробная надпись 250
Надпись на могиле сельского волокиты 251
Эпитафия преподавателю латыни 252
Лорд-адвокат 253
Ответ «верноподданным уроженцам Шотландии» . . 254
Потомку Стюартов 255
Эпитафия старухе Гриззель Грим 256
О происхождении одной особы 257
Эпитафия Вильяму Грэхему, эсквайру 258
По поводу болезни капитана Френсиса Гроуза . . . 259
Капитану Ридделю при возвращении газеты . . . 260

Комментарии Р. Райт-Ковалевой 262

РОБЕРТ БЕРНС

В переводах С. Маршака

Редактор
Н. Н. Ермолаева

Оформление художника
Б. Н. Сенновского

Художественный редактор
Е. М. Борисова

Технический редактор
К. И. Заботина

Сдано в набор 13.11.78.
Подписано к печати 19.12.78.
Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Банниковская». Печать высокая.
Усл. печ. л. 11,98. Уч.-изд. л. 6,81.
Тираж 435000 экз. Цена 85 коп.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 49.
Заказ № 342.